

САЯНА
Торская

Маммо

С ПРОШЛЫМ

18+

Саяна Горская
Танго с прошлым

«Автор»

2026

Горская С.

Танго с прошлым / С. Горская — «Автор», 2026

- Продолжай корчить невинную овечку, - с презрением цедит Герман. - Тебе очень идёт.- Твоя невеста в курсе, что ты патологически плохо влияешь на свадебную статистику?- К чёрту твою иронию! Если у тебя не хватает храбрости даже сейчас, спустя четыре года, признать, что и за тобой водились грехи, я- Водился грех, да! Я была падка на мужчин, прикрывающих свою трусость высокими формулировками! Но я, так уж и быть, сделаю милость и спланирую твою свадьбу. И на этот раз прослежу, чтобы ты не бросил невесту прямо у алтаря так, как бросил меня. Четыре года назад Герман Неверов бросил меня во время свадьбы. Я собрала себя по кускам и основала свадебную студию, чтобы создавать для других сказки, в которые сама больше не верю. А теперь его новая невеста хочет, чтобы именно я организовала их свадьбу. И это слишком выгодный контракт, чтобы от него отказываться. Если он правда любит свою невесту, почему рядом со мной ведёт себя так, словно в нём всё ещё тлеют чувства?

© Горская С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	46
Глава 13	52
Глава 14	55
Гл	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Саяна Горская

Танго с прошлым

Глава 1

Лида.

Слёзы на свадьбе далеко не редкость.

Чаще, конечно, это слёзы радости. Обычно плачут бабушки, мамы и подружки невесты, которых растрогало белое платье, ударившее в голову игристое или внезапно накотившее чувство одиночества.

Порой даже женихов пробивает, и они украдкой смахивают скупую мужицкую слезу со щеки.

Но бывают и другие слёзы. Их никто не пытается запечатлеть на фото, они не вызывают умиления у гостей, а родители с обеих сторон стремительно седеют при виде своих чад в таком состоянии.

Именно такие слёзы, как правило, и достаются мне.

— Лида, код красный, — флегматично объявляет Соня в наушник. Она моя правая рука, моя цветочная фея в татуировках, с яркими розовыми волосами и лексиконом портового грузчика. Соня наверняка уже мысленно хоронит гостей в пионах. — У нас сейсмоактивность десять баллов по шкале Рихтера. Невеста окопалась в дамской комнате и ревёт в три ручья. Мать жениха готовится брать туалет штурмом.

— Отставить штурм, я уже иду.

Вытаскиваю гарнитуру из уха и быстрым шагом иду через зал.

Гости ничего не подозревают, да и не должны.

В этом, собственно, и заключается половина моей работы. Пока за кулисами всё летит к чертям, снаружи царит сказка: мягкий свет, живые цветы, сверкающий хрусталь, музыка. Идеальная картинка.

А то, что эта картинка держится на моих агонизирующих нервных клетках, тоннах седативного и матерных голосовых Сони в общем чате, публике знать не обязательно.

У дверей дамской комнаты меня уже караулит высокая женщина в платье цвета шампанского. Даже через плотный безупречный тон на щеках проступают красные пятна волнения. Губы плотно сжаты, а руки в бархатных перчатках теребят букет невесты.

— Ну наконец-то, — выдыхает она, завидев меня. — Сделайте уже что-нибудь! У неё выход через десять минут, а она заперлась там и не открывает! Не знаю, что с ней делать!

— Для начала оставьте нас одних.

— Что? — Моргает вопросительно. — Я мать жениха!

— И я, конечно, прекрасно об этом осведомлена, — натягиваю на лицо добрую, но совершенно дежурную улыбку. Вытягиваю из конвульсивно сжатых пальцев букет, мягко подталкиваю женщину к выходу. — Будет лучше, если я поговорю с Марией без свидетелей.

— Вы точно знаете, что делать? — С сомнением заглядывает мне через плечо на плотно закрытую дверь туалета.

— И не с таким справлялась. Верьте мне. Всё будет хорошо.

Она мнётся ещё пару секунд, но всё же разворачивается и делает несколько шагов по направлению к залу. Останавливается. Спиной приваливается к стене.

Да, чудесный свадебный день может свести с ума кого угодно, и для неподготовленных людей это настоящий стресс. Особенно, если они спонсировали праздник.

Стучу костяшками в дверь, из-за которой доносятся тихие рыдания.

— Мария, это Лида. Откроете мне?

— Нет! — С агрессивным протестом.

— Я хочу просто поговорить с вами.

— А я с вами разговаривать не хочу!

— Мария, я держу палец над кнопкой вызова. Уже через пять минут сюда придёт слесарь из моей команды. Он вскроет дверь инструментами, и это будет не самый удачный сюжетный поворот для вашей свадьбы.

За тишиной следует всхлип.

— Уходите.

— Не могу.

— Почему?

— Вы моя работа. А я очень дорого стою. Представляете, что со мной сделает ваша будущая свекровь, если свадьба не состоится?

— Она вас на кусочки порвёт?

— На тысячу маленьких Лид, — киваю, усмехнувшись. Упираюсь ладонями в прохладную плитку. — Мария, послушайте, вы можете сколько угодно плакать, ненавидеть платье, гостей, этот день, белые розы и институт брака в целом. Это даже нормально. Но мне нужно понять, что с вами, чтобы попытаться вам помочь.

Снова тишина.

— Мария?

— А если... если я просто не уверена?

— В чём именно? — Хмурюсь.

— В своих чувствах. Что, если я на самом деле не люблю Андрея? — шепчет, будто признаётся не мне, а самой себе. — Вдруг я однажды проснусь и пойму, что всё это было огромной, чудовищной ошибкой?

Ну вот, уже понятна проблема. Увы, это не стрелка на чулке, и не паническая атака из-за масштаба праздника. Это чуть глубже и опаснее.

Но всё же не приговор.

— Мария, послушайте меня внимательно, — понижаю голос. — Безразличная невеста не вовлекается так, как вы, в процесс подготовки свадьбы. Она не спорит до хрипоты с декоратором из-за оттенка пионов, не плачет над посадочным планом и не выбирает платье с такой тщательностью, будто от него зависит вся дальнейшая жизнь. Она просто идёт туда, куда её ведут, и делает то, что от неё ждут.

Замок медленно проворачивается со щелчком. Дверь приоткрывается, и на меня смотрят огромные глаза, в которых читается страх. Она просто испугалась необратимости своего выбора.

Невесты очень беззащитны в эти последние минуты перед выходом. Фата, белое платье, чужие ожидания. И ты целиком и полностью вывернута наружу, оголена, уязвима.

— А если я всё же ошибаюсь?

— Тогда это будет ваша ошибка. Ваша. Вы её проживёте, пройдёте с гордо поднятой головой этот путь, сделаете выводы и станете мудрее. Благо двадцать первый век на дворе, и развод, как ни странно, ещё никто не отменял.

Мария удивлённо моргает и нервно фыркает, почти смеясь сквозь слёзы.

— Это так... обнадеживающе и ужасно одновременно.

— Я умею в сложные сочетания, — пожимаю плечами. — Но если честно, я вижу, как ваш жених на вас смотрит. И вижу, как вы смотрите на него. Сомневаться в день свадьбы — нормально. Я бы даже сказала, хорошо. Это значит, что внутри вас много чувств, и все они сейчас обострены, выкручены на максимум.

Она прижимает ладонь к груди.

— У меня такое ощущение, будто сердце выскочит.

— Не выскочит. Оно просто пытается привлечь к себе внимание.

В дамскую комнату осторожно заглядывает Соня. Окидывает нас быстрым профессиональным взглядом, оценивает обстановку.

— Лида, нашу красавицу уже ждут. Слышала, за столиком одиноких барышень шепчутся, что ещё немного, и сами пойдут под венец к жениху, чтобы такой редкий экземпляр не пропал.

— Эй! — Мария вскидывает голову. — Это мой жених. Никому его не отдам!

Переглядываемся довольно с Соней, вставляю наушник обратно в ухо.

— Визажиста в женский туалет срочно.

— Принято, — тут же отзывается кто-то из команды.

Пока визажистка несётся к нам со своим чемоданчиком, я поправляю чуть растрепавшийся букет, поворачиваю его правильной стороной и вручаю невесте.

— Так, спина прямая. Подбородок выше. Лицо делаем такое, будто вы не рыдали пять минут назад, а с детства знали, что выглядеть будете именно так.

— Вы очень страшная женщина, — шепчет Мария.

— Страшная и эффективная.

Через несколько минут, свежеприпудренная, снова безупречная и уже вполне похожая на невесту с обложки, Мария выходит из дамской комнаты.

У дверей её ждёт отец. Высокий, седой, напрочь растерянный. Но, увидев дочь, он с облегчением выдыхает и берёт её под локоть.

Мы с Соней остаёмся в проходе и молча смотрим, как Мария, чуть заметно шмыгая носом под фатой, идёт к арке навстречу жениху. Скрипки тянут что-то нежное и приторное. Гости встают, лезут за телефонами, чтобы снять красивый момент, который потом взорвёт семейные чаты и соцсети.

— Ну ты мощь, — выдыхает Соня.

— Брось. Ерунда.

Мой взгляд не отлипает от парочки, застывшей перед цветочной аркой, слепленной нежными руками наших фей.

Когда-то и я почти дошла до этой точки.

Почти...

Было шикарное белое платье, гости, цветы. И был мужчина, который убил во мне веру в любовь так радикально, что я после этого долго собирала себя по кускам.

Герман не просто отказался от меня.

Он опозорил меня публично, раздел до мяса и оставил на растерзание стервятникам.

Вместе с любовью в тот день во мне умерло всё: и глупая девичья вера в «долго и счастливо», и желание построить семью, и сама мысль о том, что красивые обещания вообще чего-то стоят.

Растираю виски.

В голове разливается густой туман, за глазами пульсирует тупая боль.

— Всё, Сонь, я свою работу выполнила. Вернусь в студию, ты за старшую.

— Без проблем. Тут уже всё на рельсы встало, так что, если жених на середине клятвы не решит сигануть в окно, мы справимся.

— Решит сбежать — поймай. Но без мокрухи, у нас светлые скатерти.

— Обижаешь, — закатывает подруга глаза.

Разворачиваюсь и иду к выходу. Обшариваю всю машину в поисках заветной таблетки, но... увы.

По дороге в студию успеваю немного выдохнуть. И хотя начинающаяся мигрень не отступает, я рада, что мне не нужно оставаться на всё торжество.

Я давно не веду клиентов сама.

На заре бизнеса — да, ездила лично, решала проблемы, таскала тяжёлые коробки, ловила безответственных подрядчиков за руки, а ночами мастерила посадочные карточки. Но сейчас эти катастрофы уже решаются без моего прямого присутствия.

Я теперь лишь контролирую процессы изнутри, выстраиваю концепции, собираю сметы, утверждаю площадки, решаю сложные случаи и выезжаю только тогда, когда без меня действительно никак.

Если коротко — я женщина, которая построила очень прибыльный бизнес на чужих историях любви.

И мне сейчас нужна каждая копейка, потому что слишком поздно отступать.

Новый зал. Новая студия. Пространство, которое я присмотрела ещё полгода назад и в которое влюбилась с первого взгляда, как дура.

Высокие потолки, огромные окна, свет, фактуры, воздух. Место, где можно было бы не только принимать клиентов, но и устраивать полноценные примерки, камерные регистрации, съёмки, дегустации, встречи. Мой следующий шаг и новая ступень развития. Моя дорогая, наглая мечта.

Так что да. Крупные контракты сейчас для меня не прихоть, а скорее воздух, без которого всё заглохнет.

Поднимаюсь в офис с твёрдым намерением выпить таблетку, лечь на диван и хотя бы полчаса никого не видеть.

В студии кипит привычная рутина.

— Нет, бордовый и винный — это не одно и то же! — Моя личная помощница Варя поднимает голову от образцов, убирает телефонную трубку от уха и прикладывает к плечу. — Представляешь, в типографии опять напутали с оттенками!

Молча поднимаю ладонь вверх. Мигрень так разыгралась, что нет сил даже говорить.

— Лида, ты как?

— Ко мне никого не впускать.

— Поняла... Воды?

Снова взмахиваю молча рукой.

— Поняла. Никого не пущу. Грудью на амбразуру лягу, но...

Не дослушиваю. Захожу в кабинет, захлопываю дверь и лезу в ящик стола за таблеткой. С наслаждением валюсь на диван, скидываю туфли на высоком каблуке.

Слава богу, люди всё-таки придумали способы договариваться с мигренью.

Правда, у таблеток есть один мерзкий недостаток: после них я всегда чувствую себя так, будто кто-то с любовью и знанием дела приложил меня по голове тупым тяжёлым предметом. Боль уходит, но мозги после этого ещё какое-то время плавают в густом тумане.

Закидываю руку на глаза, чтобы спрятаться от солнечного света. Полчаса тишины и покоя — всё, о чём я сейчас прошу.

Но молитвы мои не доходят до создателя, потому что уже через десять минут из приёмной доносится шум и голоса.

Женский, молодой и настойчивый голос, требует личной аудиенции.

— Лидию Андреевну сейчас беспокоить нельзя, — как и было обещано, Варенька насмерть держит оборону.

— Мне всё равно, я хочу поговорить с вашим руководителем лично.

— Если вам нужна свадьба под ключ, у нас много специалистов. Присядьте, я налью вам кофе, и мы выберем...

— Мне нужна именно Лидия, — твёрдо.

Открываю глаза.

Нет...

Только не сейчас.

— Вы записывались?

— Нет.

— Тогда я могу вас записать, и...

— Мне не нужна запись. Мне нужна Ли-ди-я, — повторяет почти по слогам.

— Нет, нельзя туда! Подождите!

Но настойчивая гостья, судя по всему, не привыкла к отказам, потому что дверь моего кабинета резко распахивается.

Глава 2

Лида.

С трудом и неохотой убираю руку с глаз. Солнечный свет безжалостно выжигает мою сетчатку.

На пороге стоит девушка. Красивая, ухоженная, стильно и дорого одетая. Светлые волосы уложены безупречно, молочный костюм сидит идеально на стройной высокой фигуре.

— Лидия Андреевна, я пыталась... — тяжело дышит за спиной незнакомки Варя.

— Вижу. Спасибо, Варь. Принеси воды, будь добра.

— Уже несу, — с облегчением кивает и исчезает, стрельнув в затылок девушки очередным убийственным взглядом.

Та делает шаг вперёд.

— Простите за вторжение, но иначе с вами, как я понимаю, не поговорить.

От одного её ровного, хорошо поставленного голоса пульсирует в висках. Тонкий парфюм с яркими цитрусовыми нотками расплзается по кабинету, и желудок сводит в спазмах.

Плохо, очень плохо...

Настолько, что я даже кошусь на собственную сумочку, валяющуюся у ног, и с тоской думаю о том, что потребуется химчистка, если меня вывернет прямо в неё. Жалко... Сумка дорогая.

— Обычно люди пользуются телефоном, — предпринимаю неловкую попытку сесть. Голова раскалывается. — Обычно без стука ко мне врываются только налоговики или мама. Для моей мамы вы слишком молоды, для налоговой — подозрительно вежливы. Кто вы?

— Алиса Корсакова.

Это имя мне совершенно ничего не говорит.

— И ради чего вы решили взять в осаду мой кабинет?

— Я выхожу замуж, — выгибает бровь с недоумением, будто я задала крайне идиотский вопрос.

— Что ж, поздравляю.

— Спасибо. Я хочу, чтобы моей свадьбой занимались вы лично.

Закрываю глаза и даю себе пару секунд на передышку. Медленно открываю.

Нет, увы, гостя не рассосалась.

Шумно вздыхаю. Сил на банальную вежливость во мне просто нет. В моменты, когда меня настигает мигрень, я становлюсь ужасно раздражительной, и хорошо, если боль удаётся на подлёте купировать таблеткой. Но сегодня явно не тот случай, и Алиса Корсакова серьёзно рискует.

— Простите, Алиса, но нет.

— Вы не дослушали.

— Я не веду клиентов сама.

— Но мне нужны именно вы!

— А мне нужно полчаса темноты, тишины и капелька человеческого сострадания. Как видите, ни одна из нас не получает сегодня желаемое.

— Не может быть такого, чтобы мы не смогли что-нибудь придумать! Концепции создаёте именно вы.

— Создаю. А реализует команда. Все мои специалисты имеют неординарный подход. Есть специалисты по классике, есть те, кто умеет собирать очень смелые, нестандартные вещи. Если хотите, вам подберут идеальный тандем сразу из нескольких человек. У меня никто не работает по шаблону.

Алиса чуть склоняет голову.

— Мне не нужен тандем. Мне нужны вы.

Варя приносит воду, ставит стакан на столик и тут же сматывается. Она уже научилась считывать моё настроение по одному лишь взгляду.

— Спасибо, — шепчу и делаю глоток, но вода не помогает. Тошнота поднимается выше, лениво подкатывая к горлу. Виски ломит. Даже движения воздуха кажутся мне сейчас невыносимо громкими. — Алиса, как видите, я сейчас не в том состоянии, чтобы по достоинству оценить вашу настойчивость. Уверена, обычно люди находят её очаровательной, но сейчас не тот случай. У меня большая команда. Сильная. Разная. И вы вполне можете выбрать специалиста, который подойдёт вам по стилю.

— Я уже выбрала, — не моргая смотрит мне в глаза.

Господи, какая она упрямая!

Как же не вовремя, потому что я даже не могу как следует отстоять себя — мигрень отбирает все силы.

Алиса наверняка замечает это. И именно поэтому, я уверена, вцепилась в меня клещами. Понимает, что если и сможет меня продавить, то именно сейчас.

— Слушайте, — всё-таки не выдерживаю и с силой растираю виски. — Я понимаю, вы вбили себе в голову, что хотите работать только со мной. Но я давно отошла от личного ведения, и на то были свои причины. У меня есть принципы и...

— Я согласна на любые деньги, — перебивает.

А я замолкаю.

Деньги мне сейчас действительно нужны. Один крупный проект мог бы закрыть дыру в бюджете, которая образовалась из-за моей навязчивой идеи расширения. Мигрень делает мысли вязкими, как сироп, но цифры в голове складываются быстро и неприлично бодро.

Алиса замечает мою заминку и делает пару шагов вперёд.

— Любые деньги, — повторяет мягко. — Назовите сумму. Мне не нужен стандартный пакет. Не нужен компромисс. Мне нужны вы. Ваше видение красоты. Ваша способность сделать из свадьбы не картинку, а историю. И я готова платить.

Склонив голову к плечу, позволяю себе чуть пристальней изучить эту Алису.

Красивая, спокойная, собранная. И слишком отчаянная для невесты, которая просто мечтает о красивом празднике.

— Деньги не решают всё.

— Но кое-что всё-таки решают.

— Вы всегда добиваетесь своего, верно? — Спрашиваю устало.

— Только когда это действительно важно.

— И насколько важно?

Вместо ответа Алиса поджимает губы и разводит руками в стороны.

— Допустим, — медленно встаю, шаткой походкой добираюсь до своего стола. Под завалами свадебных каталогов отыскиваю блокнот и ручку. — Допустим, я соглашусь взять вас на личное ведение. Предварительно. Обсудим концепт, бюджет, наполнение. Кто жених?

— Его зовут Герман.

Пальцы с зажатой в них ручкой вздрагивают и чертят неровную линию. Сердце неприятно ёкает, и я прикладываю усилия, чтобы вернуть себе невозмутимое выражение лица.

Перестань, Лида. Германов на свете, конечно, больше одного.

Делаю пару заметок для себя.

— Он будет участвовать в подготовке?

— А как иначе? — Удивляется Алиса.

— Часто мужчины предпочитают откупиться деньгами.

— Мой жених не такой, — мечтательно улыбается. — Он будет участвовать на каждом этапе.

— Какая прелесть.

— Он зашёл в супермаркет за водой. Скоро подойдёт.

— Хорошо.

Нет, не хорошо.

Я уже сейчас чувствую, что это решение, принятое в не совсем вменяемом состоянии, аукнется мне. Но давать заднюю поздно.

— Тогда давайте сделаем так: на неделе мы встретимся все вместе, с вашим женихом.

Обсудим концепцию, я выслушаю все ваши пожелания, а потом мы подпишем договор.

— Нет, — мягко возражает Алиса.

Поднимаю глаза.

— Нет?

— Договор мы подпишем сейчас. И задаток я переведу вам сейчас.

— К чему такая спешка?

— Хочу перекрыть вам пути к отступлению, — без капли иронии в голосе.

Усмехаюсь.

— А вы стратег, — из верхнего ящика стола достаю бумаги. — Что ж, можете заполнять, раз вы так боитесь, что я сбегу. Мне нужны ваши подписи — вот здесь, здесь и здесь.

Алиса садится. Бегаёт глазами по строчкам, но кажется, совсем не вникает в смысл написанного — делает это лишь для вида. Быстро ставит изящные завитушки в нужных полях.

— Ваш жених точно поддерживает это решение? Ко мне потом не заявится мужчина с истерикой и требованием вернуть деньги?

— О, можете не сомневаться, — не поднимая глаз от договора. — Ему всё понравится.

Разворачивает ко мне бумаги.

— А вы быстрая...

— Зачем медлить?

— Действительно. Давайте выберем дату, когда мы сможем встретиться полным составом.

— Думаю, прямо сейчас, — Алиса оборачивается к двери.

Делаю то же самое ровно в тот момент, когда она открывается и на пороге появляется мужчина.

Герман...

И воздух с шумом покидает мои лёгкие.

Глава 3

Лида.

Наверное, права была Соня, и мне давно пора проверить голову. Быть может, мои часто повторяющиеся мигрени — это сигнал о сбое в работе мозга из-за опухоли. Или там живёт паразит, медленно пожирающий мои извилины.

Я вот что угодно готова сейчас поверить, но точно не в то, что человек, так безжалостно втоптавший меня в грязь четыре года назад, действительно стоит сейчас на пороге моего кабинета.

За эти годы я успела множество раз похоронить его, выкопать, снова похоронить и сверху ещё и катком проехать для надёжности. Но вот этот призрак прошлого, игнорируя собственные похороны, объявился и стоит здесь как ни в чём небывало, заложив руки за спиной.

Его челюсти плотно сжаты. Ноздри чуть заметно расширяются, втягивая воздух.

Герман, кажется, стал ещё привлекательней с нашей последней встречи, возмужал, заматерел. И этот факт не добавляет мне уверенности.

Он всегда цеплял взгляд, не правильностью черт даже, хотя природа над ним, конечно, знатно постаралась, а из-за общего впечатления силы, собранности, уверенности. Раньше в нём было что-то мальчишески дерзкое, теперь же лицо заострилось, взгляд стал тяжелее, жёстче, а красота приобрела иной оттенок.

— А вот и наш жених, — Алиса в три парящих шага оказывается рядом с Германом и обвивает его локоть рукой, устраивая ладонь на сгибе. — Ты почему так долго?

— Воду выбирал, — цедит, не сводя прожигающего взгляда с меня. Достает бутылку воды и передаёт Алисе. — А что здесь происходит?

— Как? Мы ведь женимся, ты забыл?

Герман сжимает челюсти так, что на скулах проступают желваки. Глазами пробегаются по кабинету, словно только сейчас осознал, куда и зачем он пришёл.

Я же вцепляюсь в край стола, чтобы не распластаться позорно на полу. И без того ватная голова буквально раскалывается надвое, а мой незатейливый завтрак вот-вот станет объектом всеобщего созерцания.

— Лидия согласилась взять нашу свадьбу на личное ведение, представляешь? — Счастливого взвизгивает Алиса и чуть сотрясает горе-жениха.

— Личное?

— Да!

Мысленно проклиная свою мягкотелость и то, что эта женщина вообще уболтала меня на это. Если бы не мигрень, делающая меня такой уязвимой сейчас, если бы я была более осмотрительной, осторожной в своих обещаниях...

А можно как-то повернуть фарш обратно, м?

— Возможно, это не лучшая идея, — хмыкает Герман, озвучивая мои мысли.

Алиса сводит изящные брови над переносицей и одаривает жениха тяжёлым, вопросительным взглядом.

— Жениться?

— Обращаться в это агентство.

— Не говори глупости. У Лидии лучшая свадебная студия в городе. Ты просто не видел её концепции!

— О, я видел достаточно, — очередной тяжёлый вздох срывается с искривлённых в усмешке губ.

Перед нами обоими разворачивается сцена из прошлого — украшенный пышно зал, цветочная арка, белоснежное платье, гости. Только финал этой истории каждый видит по-своему.

Герман уходит отсюда с гордо поднятой головой, я же, ничего не понимающая, глотая слёзы у алтаря.

— Я не понимаю, в чём проблема, — Алиса капризно дуется. — Ты сказал, организация свадьбы на моё усмотрение и вкус. Я выбрала агентство и оформителя. Долго выбирала! Теперь ты заднюю даёшь, Герман?

Господи, скажи «да»!

Ты должен настоять, сказать своё твёрдое мужское слово, убедить невесту в том, что это не лучшая идея и убраться куда подальше отсюда, потому что я очень сомневаюсь, что моих запасов нервных клеток хватит на то, чтобы на протяжении всего пути оставаться холодным, трезвомыслящим специалистом, а не превратиться в обиженную и униженную барышню, решившую отыграться на свадьбе бывшего!

— Нет, я... — Герман встряхивает головой, словно гонит от себя те же мысли, что и я. Переводит взгляд на невесту. — Пусть будет по-твоему. Но не вини меня потом, если что-то пойдёт не так.

— Почему что-то должно пойти не так? Я чего-то не знаю? — Испытующе косится на нас обоих поочерёдно Алиса. Откручивает крышку с бутылки, делает маленький глоток и ставит ту на край моего стола.

В кабинете повисает тишина.

Честным было бы прямо сейчас всё ей рассказать. Но делать это должна не я, а жених. И если уж он считает, что смердящий труп наших отношений не повлияет на свадьбу, то какое право я имею открывать рот?

Пусть так, Герман.

Пусть твоя новая куколка ни о чём не догадывается.

— Что ж, — развожу руками, — если всех всё устраивает, предлагаю выбрать день для обсуждения предстоящего праздника. Обсудим концепцию и...

— Почему не сейчас? У меня всё есть! Я себе уже столько картинок красивых сохранила, вы не представляете! — Алиса лезет в сумочку, перерывает её видимо в поисках телефон. — Чёрт, видимо, в машине оставила. Буквально две минуты!

Не дав нам опомниться, Алиса упархивает из кабинета.

Остаёмся с Германом вдвоём.

По моим венам вместе с кровью бежит электрический ток. Всё тело пробивает тысячами разрядов, и мне кажется, если кто-то из нас двоих пошевелится сейчас, то всё вспыхнет от случайной искры и взлетит на воздух.

Хотя, возможно, такой расклад был бы самым гуманным из возможных.

Я думала, что всё давно пережито и забыто. Наивно полагала, что сам факт существования Германа меня больше ни капли не задевает.

Но это чушь собачья, да?

Обидно, чёрт возьми...

— Что ж...

— Итак... — начинаем мы одновременно, и одновременно смолкаем.

Роняю взгляд на свои туфли, найдя вдруг в бархатных брошах, украшающих носы, нечто невообразимо интересное.

— Значит, это твоя студия? — Герман с таким же преувеличенным интересом разглядывает кабинет.

Прищуриваюсь.

— Нет, я просто прихожу сюда иногда полежать на диване.

— Без острот никуда?

— Предпочитаю не оставаться безоружной рядом с психами.

— Мудро. Учитывая, что четыре года назад ты собиралась за одного из них замуж.

— Вижу, ты всё ещё не изжил потребность напоминать о своих подвигах при каждом удобном случае.

— Подвигах? Интересное определение.

— Могу подобрать другое. Более точное. Но боюсь, в приличном обществе его не оценят.

— Будешь строить из себя жертву? Сделай одолжение, не начинай.

— Что именно? Говорить вслух о том, что случилось? Да, это обычно неудобно для тех, кто красиво свинтил с места преступления.

— Ты правда именно так это запомнила?

— Может, ты сейчас любезно предложишь мне альтернативную версию событий? Более удобную лично для тебя?

Он подходит ближе. Не вплотную, но достаточно для того, чтобы меня снова накрыло неконтролируемой смесью эмоций, определения которым я не могу дать.

Я столько лет с ненавистью выжигала из памяти этого человека, но одного его появления достаточно, чтобы взбаламутить воду и поднять со дна ил. Как бы я не пыталась отрицать, но между нами всё ещё натянуто что-то живое, злое, искрящее. Что-то, что не сдохло там, где обязано было.

— Удобных версий у меня нет, Лида.

— Вот и отлично. Потому что у меня тоже.

Герман первым отводит взгляд и отступает, неторопливо проходит по кабинету, скользит взглядом по образцам тканей, каталогам, доске с референсами, нарисованным от руки эскизам цветочных арок.

— Занялась свадьбами, — кивает на папки и ткани. — Неожиданно.

— А по-моему, вполне закономерно. После тебя у меня выработался редкий талант красиво упаковывать катастрофы.

— Продолжай корчить невинную овечку, — с презрением. — Тебе очень идёт.

— Твоя невеста в курсе, что ты патологически плохо влияешь на свадебную статистику?

На лбу Германа пульсирует голубая вена, свидетельствующая о том, что мои слова пробили брешь в броне. И я испытываю мстительное, гадкое удовлетворение.

Мелочь, а приятно.

— Ты правда хочешь сейчас это обсудить, Лида?

— Нет, я хочу лишь одного — чтобы ты исчез. Но, как видишь, и с моими желаниями мир сегодня не особенно считается.

Он медленно выдыхает, стараясь взять себя в руки.

— Ты всё такая же.

— Живая? Да, представь себе. Твоё разочарование я как-нибудь переживу.

— Не переоценивай себя.

— В твоих советах больше не нуждаюсь. Это надо было делать до того, как ты разнёс мою жизнь в щепки.

— Твою жизнь? Это я потом целый год заметал дерьмо под ковёр.

— Бедный Герман, — произношу почти шёпотом. — Так сильно пострадал, что решил компенсировать это сейчас?

— Ты вообще ничего не понимаешь, да?

— Так объясни, — резко перебиваю. — Давай. Я вся внимание. Обожаю, когда мужчины, спустя четыре года, внезапно находят слова!

— К чёрту твою иронию! Если у тебя не хватает храбрости даже сейчас, спустя четыре года, признать, что и за тобой водились грехи, я...

— Водился грех, да! Я была падка на мужчин, прикрывающих свою трусость высокими формулировками! Но я, так уж и быть, сделаю милость и спланирую твою свадьбу. И на этот раз прослежу, чтобы ты не бросил невесту прямо у алтаря так, как бросил меня.

Лицо Германа идёт красными пятнами. Он делает ещё один широкий шаг, обходя стол. Запаниковав, хватаю первое, что попадаетея под руку — злосчастную бутылку с водой.

— Стой, где стоишь! — выплёскиваю содержимое бутылки Герману в пылающую морду.

Он застывает каменным изваянием.

Я тоже застываю, пытаюсь осознать, что сделала.

Будем откровенны, не каждый день мне приходится устраивать клиентам холодный душ...

Выхожу из ступора первая. Оббегаю Германа по широкой дуге, хватаю свою сумочку и устремляюсь к выходу из кабинета, где и встречаю шокировано хлопающую ресницами Алису.

— А что здесь...

— На сегодня мы закончили. Напишите мне, выберем дату для следующей встречи.

Глава 4

Лида.

Встаю на лыжи и направляюсь в комнату отдыха. Кажется, не уйду, а эвакуируюсь, потому что голова раскалывается так, будто кто-то сунул мне в череп маленькую дрель и теперь с удовольствием тестирует режимы. Тошнота подкатывает к горлу, и единственное, чего мне сейчас хочется, это лечь в темноте, перестать существовать и никого, вообще никого, больше сегодня не видеть.

Наверное, я так себе профессионал, раз позволила личному внести свои коррективы в мои реакции и поведение. Но мне трижды плевать, что думают сейчас «драгоценные» клиенты. И если они откажутся от идеи работать со мной, я буду только рада.

Ничего, перебыюсь как-нибудь без обещанных несметных богатств.

Открываю дверь и остаюсь в проёме.

— Да ладно тебе, родная, — доносится от кофеварки вкрадчивый голос Ивана. — Мы же с тобой взрослые люди. Я не прошу ничего противозаконного. Просто дай мне двойной эспрессо и разойдёмся красиво. По-моему, весьма скромный запрос.

Иван стоит ко мне вполборота. Рукава белой рубашки закатаны, обнажая предплечья, забитые татуировками. С лицом человека, успевшего пройти все стадии принятия, он тыкает в кнопки кофемашины.

Вообще, он из тех мужчин, на которых у женщин стабильно случается коллективное помешательство.

Когда он появляется в моей студии, все девчонки резко вспоминают про помаду, без конца поправляют волосы и находят тысячу и одну причину пройти мимо него с папкой или подойти с очень срочным вопросом. И никого, кажется, не смущает ни пятилетняя дочь, ни сбежавшая к любовнику жена в анамнезе.

У него своя компания, которая занимается внутренней отделкой помещений, поэтому часто мы работаем в тандеме. Когда нужно из унылого банкетного зала сделать настоящую конфетку, я звоню Ивану. Когда нужно не просто повесить драпировку, а полностью перестроить зал под идею, я звоню Ивану. Когда хочется невозможного, но в сроки, в смету и без истерики, я звоню Ивану.

На звук моих шагов Иван оборачивается, улыбается.

— О, Заноза, и ты здесь. Мне сказали, ты на выезде.

Молча оттесняю его плечом в сторону и нажимаю две кнопки. Кофемашина оживает и с покорным урчанием выдаёт тёмную струю кофе.

Иван смотрит на меня сверху вниз с подчеркнутым уважением.

— Ясно. Очередное подтверждение, что ты ведьма.

— Только сейчас дошло?

— Раньше я надеялся, что это просто профессиональная деформация.

Без всякого настроения на диалог опускаюсь на диван и закрываю глаза ладонью.

Кофемашина шипит. Слышу шаги, чувствую, как диван рядом чуть прогибается под весом чужого тела.

— Снова мигрень?

— Если бы только она.

— Что случилось?

— Ничего.

— Кто умер?

— Пока вроде никто.

— Уже радует. Значит, ситуация обратимая.

— Спорное утверждение, — приоткрываю один глаз и смотрю на него сквозь пальцы.

Он вытягивает ноги и смотрит на меня с той самой своей насмешливой, чуть лукавой внимательностью. Иван вообще умеет быть одновременно и надёжным, и несерьёзным. В нём нет тяжёлой правильности, от которой хочется бежать. Он даже заботится так, будто слегка подтрунивает над самой идеей заботы, чтобы никого не смущать.

— Я приехал показать тебе предварительный план по залу, — кивает на папку на углу кухонного гарнитура. — Помнишь, ты хотела посмотреть, как можно обыграть свет и не потерять воздух у входной группы? Я всё нарисовал, даже смету почти не испортил. Но, судя по твоему лицу, ты сейчас не в том состоянии, чтобы восхищаться моим гением.

— Я в полном порядке.

— Конечно. Именно так обычно и выглядят люди, у которых всё в полном порядке. Бледная как смерть, глаза стеклянные, рука дрожит. Красота!

Опускаю взгляд на пальцы.

Чёрт.

И правда дрожат.

— Просто день дерьмо.

— Расскажешь?

Что тут рассказывать?

Что мой бывший жених надумал жениться, а я подписала сделку с дьяволом и теперь вынуждена лицеизреть его морду в ближайшие несколько месяцев?

Говорить про Германа не хочется вообще. Даже имя его сейчас кажется чем-то токсичным, отравляющим мой организм смертельной дозой радиоактивного коктейля чувств.

— Сегодня ещё и ужин с мамой, — выдаю со стоном.

Иван отпивает свой кофе и запрокидывает голову к потолку.

— Инга Павловна опять проведёт тебе лекцию на тему того, что ты красивая, талантливая и одинокая, а часики тикают?

— Ага. Строго по расписанию.

— Обожаю последовательных людей.

— Ты же знаешь мою маму. Она умеет быть дотошной, особенно в вопросах, касающихся моей личной жизни. У неё острая потребность внуков нянчить. Но при чём тут я?

— Действительно, — Иван со скепсисом ведёт бровью. — Так, Заноза, план такой. Сейчас ты посидишь тут пять минут, придёшь в себя, и я отвезу тебя домой переодеться к ужину с мамой. А если Инга Павловна начнёт особенно усердно делать тебе мозги за одиночество, я готов, так уж и быть, пожертвовать собой и захватить с цветами. Скажу, что мы тайно обручены.

Фыркаю.

— Она тебя сразу раскусит.

— Я буду играть убедительно.

— Ты слишком довольный жизнью для мужчины, которого можно выдать за моего жениха.

— Хорошо, — кивает серьёзно. — Тогда сделаю лицо пострадальца. Приеду мрачный, в слезах и с трагической складкой между бровей. Скажу, что ты истязал меня эмоционально, но я держусь ради любви и твоей жилплощади в центре города.

Пряча улыбку, качаю головой.

Стучащая в висках отбойным молоточком боль никуда не делась, но дышится мне явно легче. Ваня умеет разрядить обстановку одним лишь своим присутствием.

— Так что, подбросить тебя домой? За руль в таком состоянии я бы тебя не пускал хотя бы из уважения к остальным участникам движения.

— Откажусь, пожалуй.

— Хорошо, сформулирую это не как предложение, а как рациональное и безапелляционное решение.

— Какой ты сегодня властный.

— Говорят, девчонкам нравятся альфа-мачо. Смотри слюной мне рубашку не закапай, я только из химчистки, — беззлобно подтрунивает.

Какой же хороший.

Понимающий, умеющий поднять настроение. Не лезет с непрошенными советами, но всегда готов подставить своё плечо.

И если бы у тебя были мозги, Лида, ты бы давно пересекла эту черту, отделяющую ваши приятельские отношения от чего-то более интригующего.

Но мозгов, кажется, не водится...

— Подбросишь? — Выдыхаю я наконец.

Иван улыбается.

— Вот. Верное решение. Полежи ещё пару минут, Лидок, а я закину документы по проекту в твой кабинет. Завтра глянешь, — он встаёт с дивана.

Выплёскивает недопитый кофе в раковину, споласкивает стакан и выходит из комнаты отдыха.

Остаюсь одна, и мысли мои тут же устремляются к Герману и его новой пассии.

А эта Алиса красивая. Не просто хорошенькая, а породистая, словно отшлифованная вручную опытным ювелиром. Но почему-то не было между ними с Германом этого искрящего напряжения, тока, химии.

Они выглядят как идеально подобранные манекены на витрине свадебного салона.

Есть ли там любовь?

Тут же себя одёргиваю и раздаю ментальных пощёчин за неуместные мысли.

Какое тебе вообще дело, Лида?

Прикрываю глаза ладонью и медленно выдыхаю.

Нет. Не сейчас.

Разбираться в мотивах Германа, его новой куколки и всей этой дурно пахнущей истории я буду не сегодня. Сегодня мне бы просто пережить ужин с мамой.

А завтра...

Завтра, как известно, тоже вполне подходящий день для катастрофы.

Глава 5

Лида.

К вечеру мне удаётся собрать себя в единое целое, что хорошо — мне понадобятся все силы, чтобы отбивать мамины лобовые атаки.

Я прекрасно знаю, зачем она позвала меня на ужин. Чтобы промариновать как следует мозги на тему отсутствия постоянного мужчины в моей жизни. И если раньше она действовала осторожно, полупрозрачными намёками и вопросами вскользь подводя меня к заветной теме, то сейчас совсем не стесняется и словно котёнка тычет меня мордой в дефициты.

Волнуется, да.

Переживает, что я не реализую свой материнский потенциал, а она не понянчит внуков, если я и дальше буду корчить из себя сильную и самодостаточную женщину.

Только вот ничего я не корчу. Мне и правда хорошо одной. Не нужно ни перед кем отчитываться, не нужно подстраиваться и превращать свою жизнь в вечный поиск компромиссов.

Серьёзные отношения? Зачем? Мне вполне хватает раздобревшего вширь на элитных кормах, самовлюблённого кота Маэстро. Он с лихвой компенсирует мне все эмоции, которые я недополучаю из-за отсутствия отношений.

Перехватываю тортик и дёргаю дверную ручку маминой квартиры, с неудовольствием отмечая, что она снова не заперта. Мама, видимо, совсем не читает новостей.

— Мам, это я! — Прохожу в прихожую, включаю свет.

Мама живёт в вечном творческом бедламе.

Нет, у неё не грязно. Это именно бедлам особой, почти сакральной природы, понятной только людям искусства, театра и тем, кто хотя бы раз пытался найти среди ночи катушку ниток оттенка «приглушённый брусничный» и не сойти с ума.

Меня обнимает знакомый с детства запах пропаренной, отутюженной ткани, мела, и лака для волос. В гостиной на спинках кресел висят недошитые кружевные юбки, на диване разложены эскизы, в углу, прикрытая простынёй, дремлет швейная машинка, на подоконнике теснятся коробки с лентами, пуговицами, тесьмой и какими-то перьями.

Мама работает в театре художником по костюмам. Придумывает, рисует, подбирает ткани и, если нужно, сама до ночи сидит за машинкой, доводя чужую халтуру до ума.

Швейных машинок, к слову, у мамы не меньше пяти. И каждая, по её словам, для разного характера ткани. Я в это никогда не вникала. Для меня все они всегда были просто страшными железными тварями с иглами, норовящими пришить палец к бархату.

Шить я не умела, не любила и вряд ли когда-нибудь полюблю. Но, наверное, именно мама стала причиной того, что я вообще пошла в сторону красоты и творчества. Просто выбрала чуть иной вектор — сначала подалась во флористику, а потом в свадебное оформление.

— Ой, Лида! — Выглядывает из кухни мама, вытирая руки полотенцем. — А я думала, кто тут бродит?

— Когда научишься дверь закрывать?

— Опять не закрыла? Забыла, видимо...

— Бесстрашная, да? — С упрёком качаю головой и передаю маме тортик.

— Только зашла, и уже воспитывает. Давай, мой руки, ужин остывает.

Голос у мамы бодрый, но я слишком хорошо её знаю, чтобы не слышать за этим бодрым тоном другое: готовность и предвкушение охоты.

За тарелкой с котлетами, картофельным пюре и салатом из свежих овощей неизменно скрывается ещё один слой. Мамино осторожное, но очень упорное желание прощупать почву. Оценить её на плодородность. Понять, не пора ли уже что-нибудь там засеять, желательно внуками.

Мою руки, смотрю на своё отражение в зеркале и морщусь. Видок такой, будто меня переехали асфальтоукладчиком, несмотря на подправленный макияж и заново уложенные волосы. Глаза выдают всё, что внутри.

Надо было не ехать.

Но мама бы обиделась. А я и так за сегодняшний день собрала слишком много чужих и своих эмоций, чтобы ещё и её добавлять в этот винегрет.

Прохожу на уютную кухню.

Подоконник заставлен горшками с фиалками, весь холодильник обвешан магнитиками из театров и других стран, на столе клетчатая скатерть, в центре блюдо с пирожками. Мама суетится у плиты в своём любимом домашнем платье, поверх которого всё равно зачем-то наброшен сантиметр, словно без него она перестаёт быть собой.

Волосы убраны в небрежный пучок, в прямоугольных очках она выглядит особенно сосредоточенной и хищной. Не женщина, а творческая разведка.

— Садись, — командует, ставя передо мной тарелку. — Худая как узник Освенцима. Ты вообще ешь что-нибудь, кроме кофе?

— Бывает, откусываю чужие головы.

Мама кидает на меня быстрый взгляд.

— Лидок, случилось чего?

— Не больше, чем обычно.

— Никаких интересных знакомств? — Прищуривается.

— М-м, дай подумать... — тоже прищуриваюсь, и зажимаю в губах кончик вилки. — Да, познакомилась с бабушкой тремя этажами выше. Её панталоны слетели с бельевой верёвки на балконе и упали ко мне. Представляешь?

— Лида!

— Что? Это было знакомство. И оно было интересным.

Мама разочарованно вздыхает. Садится напротив, подпирая щеку ладонью.

О, этот взгляд я узнаю из тысячи. Сейчас начнётся!

— Кстати, ты помнишь Тамару Аркадьевну? — Произносит она будто бы между прочим.

— Кого?

— Музыкальный директор!

— А-а...

— Так вот, сын её недавно вернулся из Питера.

Господи! А вот и он, первый выстрел и сразу в голову.

— От всей души поздравляю Тамару Аркадьевну.

— Ты его помнишь. Антон. Высокий такой, в твоей школе учился на два класса старше. На всех праздниках на баяне играл. Сейчас он, правда, работает в архитектурном бюро. Очень приличный молодой человек. Спокойный. И даже собственная квартира есть.

— Какой блистательный набор личностных качеств.

— Лида!

— Что Лида? — Бросаю на неё усталый взгляд. — Скажи ещё, что у него нет плоскостопия, и я совсем потеряю голову.

Мама фыркает, но не отступает.

— Я, между прочим, серьёзно. Тебе тридцать три, ты красивая, умная, успешная, а живёшь одна. Это ненормально.

— Почему сразу ненормально?

— Потому что человек не должен жить один.

— У меня есть кот.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

Конечно понимаю.

Она о том, что время идёт, а я не молодею. О том, что она хочет нянчить внуков и шить костюмы бабочек и зайчиков не чужим детям, а своим. О том, что ей больно смотреть, как я делаю сказку всем подряд, а сама обхожу её стороной.

С кислым лицом ковыряю пюре, собираюсь с мыслями. Мама же, почувствовав, что пора сбавить обороты, смягчается.

— Доченька, я не хочу на тебя давить. Просто немного переживаю.

Наверное, именно эта искренность в её словах, этот неприкрытый материнский нерв заставляет меня прошептать на выдохе всё, как есть:

— Герман женится.

На кухне становится тихо.

Мама очень медленно снимает очки, словно реальность вдруг стала настолько невыносимой, что лучше бы на неё не смотреть.

— Господи. Всё-таки вспомнила про него.

— Я не вспоминала. Он сам очень не кстати нарисовался.

— Где?

— У меня в студии. Со своей невестой.

Мама закрывает глаза и растирает переносицу так, будто мигрень у нас теперь семейная.

— Только не говори, что ты взяла их свадьбу.

Молчу.

Мама распахивает глаза.

— Лида!

— Взяла.

— Совсем сдурела?

— Вопрос дня, между прочим.

— Зачем?!

Хочется ответить «потому что я идиотка», но я только пожимаю плечами.

— Она пришла без записи. Давила. Уламывала. Голова раскалывалась. Я была не в ресурсе. Да и деньги очень нужны. Это хороший шанс расшириться, и я его не упустила.

— Расшириться ценой чего, Лида? — Всплескивает в негодовании руками. — Ценой душевного равновесия, которого у тебя и так кот наплакал? Ты еле собрала себя по кускам после того, как он тебя по стенке размазал, а теперь снова добровольно лезешь в это болото! Это не работа, это какое-то изощрённое членовредительство!

— Спасибо, твои формулировки деликатны, как всегда.

Мама подаётся вперёд.

— Лида, этот человек однажды уже вывернул тебя наизнанку и бросил на глазах у всех, о какой деликатности может идти речь? Я прекрасно помню тебя после этих «отношений»! — Обозначает она пальцами кавычки в воздухе. — Помню, как ты не могла заставить себя встать с кровати, и как скатывалась в истерику от одного только его имени. А что теперь? Ты снова лезешь туда. Сама!

В этом вся мама.

Я пережила, переварила, затолкала поглубже, присыпала сверху работой и заботами, постаралась забыть.

А вот мама, кажется, будет помнить всё до конца своих дней. И неприязнь, направленная в сторону Германа, за эти годы в ней ничуть не истёрлась. Может, даже наоборот, настоялась и превратилась в ядрёный, убийственный коктейль.

— Думаешь, я не понимаю, как это выглядит и чем пахнет?

— Тогда откажись.

— Не могу. Договор подписан.

— Расторгни.

— Мама, это не кружок кройки и шитья, куда можно приходиться по настроению. Это моя работа. Репутация. Деньги. Обязательства, в конце концов.

— А здоровье твоей нервной системы в этот список не входит?

— Она давно уже сама по себе, — усмехаюсь криво.

Мама смотрит так пристально, словно пытается мысли прочитать.

— Ты всё ещё его не отпустила, да?

Вопрос бьёт неприятно точно.

— Отпустила.

— Врёшь.

— Спасибо за поддержку и за веру в меня.

— Я не поддерживать тебя сейчас должна, а за шиворот оттаскивать от очевидной глупости.

— Уже поздно, глупость совершена.

— Никогда не поздно перестать мучить себя, Лида.

Отодвигаю тарелку, аппетит пропал окончательно.

— Речь не о нём. И даже не обо мне. Мне сейчас просто нужен этот контракт. Нужны деньги. Мне надо двигаться дальше, понимаешь? Я не могу всё время жить с оглядкой на то, что когда-то там сделал Герман.

— Так не живи с оглядкой. Откажись и иди дальше.

— Это побег.

— Доченька, бежать от волка — это не трусость, а здравый смысл. И в твоём возрасте пора бы уже с ним подружиться.

Молчу.

Мама тоже. Потом вздыхает и неожиданно мягко накрывает мою руку своей.

— Лидочка... Германа этого давно пора оставить в прошлом. Он не стоит ни твоих слёз, ни бессонных ночей, ни испорченного настроения. Ну сколько можно носить в себе этот мёртвый груз?

Мёртвый груз... Чертовски красивое определение тому, что я чувствую.

Вот только не мёртвый он. Судя по тому, как кровит с новой силой когда-то затянувшаяся рана, оставленная тупым ржавым ножом.

— Не начинай, — прошу тихо.

— Я и не начинаю. Я заканчиваю. Уже в который раз. Ты достойна нормального мужчины, Лида. Спокойного, надёжного человека, рядом с которым тебе будет не больно, а хорошо.

Смотрю на неё исподлобья.

Мама хитро улыбается.

— Ешь котлетку, пока совсем льдом не покрылась. И да, насчёт сына Тамары Аркадьевны ты всё же подумай. Он хоть и не Аполлон, но...

— На безрыбье и рак рыба?

— Жуй! — Строго. — А я пока чай поставлю.

Под её неусыпным надзором ужинаю.

Ладно, если совсем уныло станет, так уж и быть, выведу баяниста в свет...

Глава 6

Лида.

Уже спустя два дня мы с Алисой и Германом встречаемся в ресторане в центре города. По летней террасе гуляет тёплый ветерок, заигрывающий с клетчатыми скатертями на круглых столиках. По перилам тянутся плети дикого винограда, над головой лениво позванивают подвесные лампы в плетёных абажурах. В воздухе смешались запахи кофе, свежей зелени и терпкого женского парфюма.

Сладкой парочки пока нет. Я специально приехала пораньше, чтобы морально подготовиться ко встрече, но кажется, мой план провалился, потому что ни о каком спокойствии и речи не идёт.

Меня потряхивает.

Мандраж застрял где-то между рёбер и дёргает за невидимые ниточки, заставляя то и дело поглядывать на вход. Ладони становятся липкими, спина напряжена, а скулы уже сводит от того, что я с силой сжимаю челюсти.

Проходящий мимо официант в очередной раз интересуется, не желаю ли я что-нибудь заказать, пока жду остальных гостей. Но желаю я сейчас лишь одного: чтобы во всём мире ввели официальный запрет на встречи с бывшими, сорвавшими твою свадьбу.

Через несколько минут на террасе появляется Герман. Почему-то один.

Он сразу замечает меня, идёт к столику неторопливо. Светло-голубая рубашка подчёркивает глаза — такие же светло-голубые, прожигающие меня насквозь даже с расстояния в десяток метров.

Когда-то мне предназначался совсем иной взгляд. В нём сквозили нежность и тепло, а теперь он смотрит так, будто между нами никогда не было ни любви, ни бессонных ночей, ни общих планов. Только холод, раздражение и тяжёлая, опасная сосредоточенность человека, который заранее ждёт удара и готов ударить в ответ.

Память, неумолимая сволочь, до сих пор хранит в своих чертогах иной образ Германа, и с радостью подсовывает теперь мне эти фрагменты: вот он склоняется надо мной утром на кухне с сонной улыбкой, вот накидывает на плечи свой пиджак на прогулке, вот сжимает руку так крепко, словно не намерен отпускать никогда, вот прижимает к своему разгорячённому, твёрдому телу так, будто мы вечно будем принадлежать друг другу.

Но мужчина, идущий сейчас через летнюю террасу, мне не принадлежит уже очень давно. А было ли это на самом деле, или он просто играл со мной?

Невольно вытягиваюсь в струну и расправляю плечи, будто пытаюсь увеличиться в раз-мере как при встрече с хищником в лесу. Но чувствую себя жалкой — даже если я раздулась бы до размеров дирижабля, всё равно это не сделало бы нас равными противниками.

— Алиса застряла в пробке, — Герман чопорно поправляет рукава рубашки, бросает быстрый взгляд на часы. — Просила без неё не начинать.

Молча киваю.

Он отодвигает стул и садится напротив, вперив мне между бровей тяжёлый взгляд. Нас разделяет всего-то узкий столик, но кажется, что тысячи километров. И это расстояние непреодолимо.

Герман занимается беззастенчивым разглядыванием моего лица, я же демонстративно смотрю мимо него, на виноградные плети, снующих с подносами официантов, керамические вазочки с цветами, куда угодно, только не на него.

— Ты решила, что если будешь игнорировать моё присутствие, то я исчезну?

Перевожу взгляд на него.

— Буду откровенна, во мне теплилась надежда на это. А ты удивлён моему желанию игнорировать тебя?

— Надеюсь, пары дней тебе хватит, чтобы остыть. Думал, мы закрыли тему прошлого.

— После того, как я плеснула тебе в лицо водой? Да, мне тоже показалось, что тема закрыта. Жаль, что вода была не святой, хотя, признаю, эффект вышел почти очищающий.

Он какое-то время молчит, медленно водит пальцем по краю меню, которое так и не открыл.

— Ты могла просто отказать ей. Не брать эту свадьбу.

— А ты, я смотрю, всё ещё силен в советах задним числом.

— Я серьёзно, — темнеет его взгляд.

— И я серьёзно. Ты мог не приходить. Или убедить свою невесту изменить решение.

— Это не я выбрал твою студию.

— Но ты подыграл.

— Чтобы не устраивать цирк при Алисе.

— Очень благородно.

Он крепко сжимает челюсти.

— А ты, я так понимаю, подписала договор из любви к своей драгоценной работе?

— Нет, исключительно из любви к деньгам, боли и саморазрушению. У меня, знаешь ли, очень нишевые хобби.

Невовремя подошедший официант заставляет нас обоих замолчать.

— Вы уже выбрали? Может, я могу что-то порекомендовать вам из нашего меню?

Открываю рот, чтобы сделать заказ, но не успеваю — Герман меня опережает.

— Двойной американо без сахара для меня. Капучино на соевом молоке для дамы, карамельный сироп, корица, сверху посыпать тёртым горьким шоколадом.

— Будет готово через пять минут, — улыбается официант и с учтивым кивком удаляется.

Насупившись, испепеляю Германа взглядом.

— Что? Я ошибся с выбором?

Оставляю его вопрос без ответа, потому что не ошибся, чёрт возьми. Такая мелочь, а он помнит. Помнит в подробностях, какой кофе я предпочитаю, и это лишь сильнее выводит меня из себя.

Роюсь в сумочке, выкладываю на столик свой блокнот и набор цветных ручек. Всеми силами пытаюсь не думать о человеке, сидящем напротив с таким лицом, словно я плюнула ему в суп и нанесла личное оскорбление любимой собаке.

Нет, Лида, не вздумай раскисать.

Ты сама в это влезла. Сама поставила подпись в том злосчастном договоре. Сама решила, что выдержишь. Значит будь добра, сиди теперь прямо, улыбайся и не давай Герману ни единого повода подумать, будто он до сих пор способен выбить почву у тебя из-под ног.

— Раз уж мы вынуждены коротать время в обществе друг друга, расскажи хотя бы, как у тебя дела. — Герман откидывается на спинку стула. А в его интонациях нет ни намёка на реальную заинтересованность.

— Не думаю, что это входит в мои обязанности свадебного организатора.

— Да брось. Мы же не чужие люди.

— Ошибаешься. Именно чужие.

Он чуть шурит, будто мой тон его не задевает, а только забавляет.

— Серьёзно? После всего, что между нами было?

— После всего, что между нами было, ты тем более не имеешь права интересоваться тем, как я живу.

— И всё-таки интересно.

— Ты всё такой же. Давишь, лезешь туда, куда тебя не звали, и почему-то уверен, что тебе за это ничего не будет. Что тебя везде ждут с распостёртыми объятиями.

— Разве нет?

— Нет! И, будь добр, перестань щупать мои границы. Нас связывают исключительно рабочие отношения.

Его губы растягиваются в ухмылке.

— Ты изменилась.

— Подумать только...

— Стала жёстче.

— Жизнь иногда оставляет следы.

— Или просто наконец сняла маску?

Его вопрос ощущается пощёчиной, горит красным следом ладони на лице.

— Что, прости?

— Ты меня слышала. Нет, Лид, ничего личного. Я просто пытаюсь понять, это я был так слеп, что не замечал какая ты стерва, или ты хорошо конспирировалась?

Горячая волна раздражения прорывается через внешний слой искусственного спокойствия.

— Прости, что не учла твою богатую внутреннюю драму. Действительно, как я могла. Это же тебя опозорили у алтаря. Тебя в тот день смешали с грязью. В тебя тыкали пальцами!

Герман подаётся вперёд.

— Ты правда хочешь мериться, кому было хуже?

— Ничем я мериться с тобой не хочу, мы в разных весовых категориях. Я лишь хочу получить от вас вводные по свадьбе и уйти домой, а об этой встрече забыть, как о страшном сне!

— Тогда перестань вести себя так, будто ты здесь жертва!

— Потрясающе. То есть теперь у нас новая версия истории? Очень современно. Газлайтинг, переписывание прошлого, всё как положено.

— Не драматизируй.

— Хочешь рассказать мне свою версию событий? Вперёд, я открыта для исповеди! Удиви меня! Вдруг за четыре года ты всё-таки научился пользоваться словами!

Он стискивает челюсти.

— Какой смысл в словах, если тебе плевать на всё, кроме собственной выгоды!

Резко поднимаюсь из-за стола, сгребаю в сумочку только что выложенные в ряд ручки.

— Так, всё, с меня хватит. Твоё откровенное хамство я терпеть не намерена!

Герман тоже подскакивает.

— Лида! — Перехватывает меня за запястье и пригвозждает мою ладонь к столу, не позволяя двинуться с места.

Медленно перевожу взгляд на свои подрагивающие пальцы, оказавшиеся в плену горячего капкана чужой ладони.

Герман делает то же самое. Кажется, лишь теперь осознаёт, что перешагнул черту и позволил себе лишнее.

Он медленно убирает руку, неловко поправляет манжету рубашки.

— Прости, я...

— Будет лучше, если ты уговоришь свою невесту выбрать другого организатора, — выталкиваю слова через колотящееся в горле сердце. — Мы явно не сработаемся.

Между нами повисает тишина. Тяжёлая, густая и почти осязаемая.

Отступить сейчас — значит признать, что он по-прежнему способен разнести меня в щепки одним лишь своим присутствием.

Но пусть лучше так.

— Лида, послушай, я...

Договорить Герман не успевает, потому что его прерывает звонкий голос Алисы:

— Господи, простите! Простите! Я думала, никогда не доберусь!

Глава 7

Лида.

Словно парящий над землёй ангел, Алиса лавирует между круглых столиков. Её летящее стильное кимоно развеивается от лёгких касаний летнего ветра. Вся такая сияющая, раздражающе свежая, будто и не стояла в душной пробке невеста сколько, она неумолимо сокращает дистанцию. Остановившись у свободного стула, сдувает с лица локон, упавший на щёку.

— Надеюсь, вы не начинали без меня! — Изящным взмахом руки подзывает официанта. — Зелёный чай со льдом, будьте добры. Боже, какая страшная духота! А я встала перед центром намертво, представляете? Хотела уже бросить машину и идти пешком.

Она присаживается на свободное место, складывает руки на столике.

— Отлично, мы можем начинать, — сухо припечатывает Герман и тоже садится.

Одна я, застыв, словно истукан, остаюсь на ногах. Во мне ещё крепко желание плюнуть на эту сладкую парочку и сбежать подальше во имя здоровья собственной нервной системы. Но я заставляю себя улыбнуться и прижать пятую точку.

— Что ж, начнём, — открываю свой блокнот, щёлкая ручкой. Стараюсь сосредоточиться на Алисе и забыть о присутствии Германа.

— Я вся ваша, Лидия. Спрашивайте!

— У вас уже есть предположения о том, какой будет ваша свадьба? Концепция, настроение, формат. Выездная церемония или регистрация в зале?

— Выездная, — без раздумий отвечает Алиса. — Обязательно. Я хочу арку, живые цветы, свет, воздух. Но без приторности, люрекса и хрустальных лебедей. Герман?

— Мхм, — кивает отстранённо.

— Хорошо, — делаю себе первые пометки. — Классика или уход в современность?

— Что-то между. Чтобы красиво было! И ярко. Не хочу, чтобы создавалось ощущение, будто это банкет в честь юбилея мэра. Герман?

— Угу, — снова нечленораздельно мычит.

— Количество гостей?

— Около ста двадцати. Может, сто пятьдесят. Герман?

— Да.

— Что «да», милый? — Алиса строго одергивает жениха за локоть, заметив его отсутствующий взгляд. — Ты где витаешь?

— Да, да, я здесь. Задумался, — врезается мне между бровей тяжёлым взглядом. — А я обязательно должен присутствовать при обсуждении всех этих... деталей?

— А как иначе? Хочешь перекинуть на мои плечи всю подготовку? Или, ещё лучше, доверить это моему папе? А ведь он порывался! — В голосе Алисы звучит настоящее предостережение. — Хочешь этого? С его любовью к цыганщине, у нас на свадьбе будут и золотые кони, и красная дорожка, и военный оркестр.

Пока они заняты своей маленькой перебранкой, я стараюсь изучить своих новых клиентов. И если разглядывать Германа мне нет нужды, то Алиса вызывает во мне живой интерес.

Наша первая встреча выпала на не самый удачный для меня момент — мигрень. Поэтому образ Алисы остался в моей памяти лишь в общих чертах. Сейчас же, сидя на расстоянии вытянутой руки, я могу разглядеть каждую пору её кожи.

Она очень красивая девушка. В ней явно есть что-то благородное, аристократичное. Тонкие запястья, изящные длинные пальцы, лебединая шея и прямая осанка. Светлые волосы сегодня собраны в нарочито небрежный пучок, над которым наверняка старались стилисты.

Она моложе меня, нет сомнений. Я бы сказала, ей не больше двадцати пяти. А может, и все двадцать три. Но почему Герман выбрал себе в жёны такую молодую девочку? Неужели пошёл на поводу у трендов современности?

Между ними мало телесного контакта. Они почти не прикасаются друг к другу, что тоже вызывает во мне вопросы.

Обычно пары, приходящие ко мне за праздником, не отлипают друг от друга. Или же, напротив, они на таком взводе, что почти искрят. Но как бы там ни было, от них фонит чувствами.

А вот природа отношений Алисы и Германа мне не ясна.

— Как вы познакомились? — Прислонив ручку ко рту, задумчиво постукиваю.

Взгляд Германа тут же прикипает к моим губам. И меня почти физически ощутимо прошибает разрядом тока.

На языке разливается не забытый вкус горячих поцелуев. Наверное, никто и никогда не целовал меня так, как Герман. Ни один мужчина не доводил меня до исступления вот так, просто обварив меня смолой горячего внимания.

Опомнившись, откладываю ручку в сторону.

Ну ни в какие ворота, Лидия! Соберись!

— Ой, знакомы с Германом мы очень давно, — оживает Алиса, и широкая светлая улыбка превращает её в совсем юную девчонку. — Наши семьи дружат лет сто. Наверное, впервые я увидела Германа, когда мне было пять. А он был уже подростком, и показался мне тогда самым красивым мальчиком на планете!

— Ты преувеличиваешь, — сухо роняет Герман.

— Ничуть, — беспечно машет рукой Алиса. — Ты правда произвёл на меня неизгладимое впечатление. Всех моих Кенов потом звали Германами. Ты даже не представляешь, сколько раз мои Барби выходили замуж! Поверить не могу, что мечта той маленькой девочки вот-вот воплотится в реальность!

На последнем слогe она даже чуть взвизгивает от счастья.

Держись, Лида. Не закатывай глаза.

— Как мило, — тяну приторную улыбку. Пытаюсь припомнить, видела ли я эту Алису раньше, когда мы с Германом были в отношениях. — А что было потом?

— Я закончила школу и отец отправил меня в Англию. Он из тех консерваторов, которые до сих пор уверены, что заграничное образование — это престиж и ключ к успеху.

— И после вашего возвращения вы с Германом встретились и решили сыграть свадьбу?

— Что вы! — Алиса отпивает свой холодный чай. Кубики льда с мелодичным звоном встречаются со стеклянными стенками стакана. — Я знала о том, что мы поженимся, задолго до своего возвращения. Наши родители договорились об этом ещё когда мы были детьми.

Её слова застревают в ушах. А сердце, бахнув о рёбра, замирает на пару секунд.

Показательно не смотрю на Германа.

Значит, его свадьба с Алисой была запланирована задолго до нашего романа? Значит, он и не собирался жениться на мне тогда?

Но зачем? Зачем было всё это?

— Как романтично, — произношу с той степенью деликатности, на которую вообще способна.

— Да, наверное.

Кошусь на Германа.

С его лицом сейчас можно сниматься в социальной рекламе против семейных союзов и любых форм коллективного счастья.

— То есть бурной истории любви у вас не было? Никто не бегал под луной, не страдал, не сбегал из дома, не писал друг другу поэм кровью?

— Слава богу, нет, — смеётся Алиса. — Я вообще плохо переношу драму. Мне ближе что-то... надёжное. Спокойное. Когда человек проверен временем. Вот как у нас...

— А вы, Лида? — Герман вдруг поднимает глаза от чашки кофе. — Вы предпочитаете драму?

— Я предпочитаю, чтобы женихи не сбегали до финала церемонии.

Алиса на секунду застывает с открытым ртом, но уже через пару секунд её улыбка возвращается на место, будто её аккуратно приклеили обратно.

— Мне нравится ваше чувство юмора, Лида.

Опускаю взгляд в блокнот и делаю ещё одну пометку, хотя буквы перед глазами расплываются.

— Хорошо, я подумаю, как можно обыграть вашу историю эм... любви. А пока перейдём к обсуждению очень важного вопроса. Вы уже думали, каким будет ваш первый танец? Нужно подобрать музыку для вальса и...

— Ой, — морщит нос Алиса. — Вальс, по моему скромному мнению, это скучно и банально. Его танцуют все.

— Да, потому что это, с вашего позволения, свадебная традиция.

— Но не правило, которому нужно следовать неукоснительно, ведь так?

Поджав губы, вглядываюсь в лицо невесты.

— Чего же вы хотите?

— Танго, — взлетают с вызовом изящные брови.

— Танго?

— Да.

— Интересное решение.

— Я раньше занималась бально-спортивными танцами, так что для меня это не проблема.

А вот у Германа опыта нет.

Кошусь на Германа.

По его лицу без труда читается откровенный шок, но почему-то он не лезет в спор с невестой. Лишь красноречиво прочищает горло.

— Что ж, — закрываю свой блокнот, — тогда вам понадобится студия, которая готова быстро поставить танго под конкретную пару, с нуля и без истерик.

— Найдёте?

— Найду, — киваю. — У меня есть несколько проверенных преподавателей. Если вы оба будете дисциплинированы, и не будете пропускать занятия, то всё получится.

— Вот! Герман, я же говорила тебе, что эта женщина — чудо!

Он подскакивает, как ошпаренный. Почти опрокидывает свой стул, но вовремя успевает его подхватить.

— Если на сегодня мы закончили, я поеду.

— Уже? — Дует губы Алиса. — Я надеялась, мы вместе пообедаем.

— Проблемы в офисе. Отец просил не затягивать с их решением.

— Ладно...

Герман поспешно ретируется, даже не чмокнув невесту на прощание.

Что это с ним?

Глава 8

Лида.

Дом, милый дом!

Уютная квартира в современном ЖК в центре города встречает гробовой тишиной, полумраком и... осуждением. Не абстрактным, а вполне конкретным, воплощённым в теле рыжего, толстого кота.

Гордо восседая попой на моём кашемировом пальто и аккуратно подвернув под себя лапы, он всем своим видом даёт понять, что считает меня не хозяйкой квартиры, а квартиранткой с сомнительной репутацией, которая снова пришла нарушить заведённый порядок пушистого домовладельца.

— Даже не начинай, — стягиваю туфли на высокой шпильке и предупреждающе грожу коту кулаком. — День был отвратительный. Я несчастная женщина на грани срыва. Имей совесть.

Маэстро медленно моргает.

Совести у него нет, это я знаю наверняка. Только чувство собственного величия и хроническое недовольство миром.

Этот комок шерсти был подобран на улице, буквально спасён из-под колёс автомобиля. Когда я принесла его шупленькое тельце домой, в нём едва теплилась жизнь. Всё было изъедено блохами, глазки гноились, а кончики ушей были обморожены.

Я не хотела кота. Никогда не питала к нему особой любви и была уверена, что компаньон мне не нужен. Но в тот момент, когда он зарылся своим влажным носиком в изгиб моего локтя я поняла, что пропала. Не смогла отказать этому оборванца, хотя сам он себя таковым не считает.

Думаю, он мнит себя британцем.

Его не смущает, что от британца в нём только ненависть ко всему человечеству. Маэстро явно чувствует себя наследником царской короны и носителем голубой крови древнего рода.

— Идём, чудовище, покормлю тебя. Может, хоть еда сделает тебя добрее.

Маэстро с достоинством спрыгивает с пальто и плетётся следом с таким видом, будто делает мне огромное одолжение одним фактом своего присутствия. Забирается на кухонный гарнитур. С претензией наблюдает за тем, как я выкладываю порцию элитного паштета в миску.

— Да-да, я поняла. Опять я всё делаю не так. Поздно пришла, громко дышу, туфли не в том углу бросила, морально разложилась. Твоя критика принята.

В ответ он осуждающе мяукает.

— Вот и славно.

Ставлю миску перед ним прямо на стол — Маэстро не ест на полу. Он искренне считает, что это унижает достоинство его королевского высочества.

Бросив в мою сторону ещё пару претенциозных взглядов, жуёт. Но без аппетитного энтузиазма спасённого уличного кота. Нет. С выражением лица ресторанного критика, вынужденного ужинать в месте, которое не дотягивает до его стандартов.

Разворачиваюсь и иду в спальню, но Маэстро внезапно решает, что кормёжка не отменяет его гражданской позиции. Пронзительно мяукнув, он одним ловким движением смахивает на пол вазочку с сухоцветами.

Та с глухим стуком падает на ковёр, чудом не разбившись.

Маэстро садится рядом и оборачивает хвост вокруг лап. Конечно, это не он только что устроил акт саботажа, а я своим неадекватным поведением довела приличного кота до крайних мер.

— Это протест, да? Мне уйти?

Моргает.

— Потрясающе...

Возвращаю вазочку на место и всё же ухожу в спальню.

Чтобы не думать о Германе, Алисе, свадьбе, танго, арках и прочих извращениях, я принимаю единственно верное решение — провести генеральную уборку в шкафу. Не потому, что шкаф в ней нуждается, а потому, что в ней нуждаюсь я. Мне необходимо что-то, что можно безнаказанно вывернуть наизнанку.

Выгребаю все вещи на пол.

С верхней полки летят свитера, сложенные аккуратными стопками брюки, джинсы. С плечиков сдёргиваю платья.

С почти благоговейным трепетом выставляю в ряд коробки с обувью.

Если к одежде я отношусь с разумной долей цинизма, то туфли — это другое. Туфли я люблю почти неприлично, не как предмет гардероба, а как отдельный вид искусства. Я с закрытыми глазами перечислю, какие лодочки стоят в какой коробке, где мои замшевые винные, где чёрные на тонкой шпильке, где бежевые с идеальным, просто божественным вырезом, удлиняющим ногу до умопомрачения.

Каждая пара хранится так, будто это не обувь, а музейный экспонат. В коробке, в пыльнике, с набитым внутрь шёлком или бумагой, чтобы не дай бог не случился залом. Иногда мне кажется, что о собственном душевном состоянии я забочусь куда менее трепетно.

Маэстро, разумеется, проявляет живейший интерес к моим сокровищам. Он медленно подходит к открытой коробке с новыми лодочками цвета топлёного молока, суёт внутрь морду, обнюхивает.

— Даже не думай.

Кот поднимает на меня тяжёлый взгляд. Не сводя с меня глаз, медленно заносит лапу над коробкой.

— Маэстро!

Он выдерживает драматическую паузу, словно даёт мне последний шанс раскаяться во всех грехах, и только после этого с видом глубоко оскорблённого аристократа отворачивается. Уязвлённый, заваливается на горе из свитеров и деловито вылизывает пятую точку.

Спальня медленно, но верно превращается в свалку.

Звонок в дверь раздаётся в тот момент, когда я, стоя на коленях среди барахла, пытаюсь понять, зачем мне три почти одинаковых белых рубашки и почему ни одна из них не сидит так, как надо.

Выпрямляюсь с тяжёлым вздохом, отбрасываю с лица волосы и иду открывать.

На пороге Соня. В кожаной куртке поверх летнего сарафана и пакетом из супермаркета, который она удерживает на указательном пальце.

— А ты здесь откуда?

— В смысле? Демидова, ты ку-ку? Пятница сегодня!

— И?

— Мы же с тобой договаривались налупить роллов и посмотреть какую-нибудь убогую мелодраму. — Сонька закатывает глаза и уверенно оттесняет меня в сторону, прорываясь в квартиру. Тут же бросает взгляд в сторону спальни, дверь в которую распахнута. — А это что? Ты от отчаяния решила заживо погрести себя в шмотках?

Соня ставит пакет на тумбу, наклоняется почесать Маэстро между ушами.

— Ну здравствуй, мой няшный пухлый барин.

Маэстро благосклонно принимает ласку. Соньку он любит, в отличие от меня, которая зачем-то требует от него душевной вовлечённости в наши отношения.

— Это терапия. Решила чем-то руки занять, — пытаюсь оправдать бедлам, который устроила.

— Скорее визуализация нервного срыва. Так, Демидова, что случилось? Кто-то умер? Женился? Бывший написал?

Округляю шокировано глаза. Вот умеет она пальцем в небо ткнуть и непременно попасть!

— А-а-а. Вот где собака зарыта. Ну-ка, рассказывай!

Молча развожу руками.

Соня прищуривается.

— Колись! — Из пакета извлекает пару деревянных палочек для суши, наставляет на меня.

Опускаюсь на кровать. Маэстро тут же вскакивает на матрас, будто без него этот совет директоров не состоится, и устраивается рядом, осуждающе поджав лапы.

— Герман женится, — выдыхаю. — И я, как полная идиотка, согласилась вести его свадьбу.

— Чего?

— Того! Герман женится!

— Подожди. Давай-ка помедленней. Этот козёл, твой бывший, женится, и ты ведёшь его свадьбу?

— Именно это я и сказала.

— Лидок, ты больная?

— Да чего вы все заладили?

— Да потому что это капец! Проще это самое... — Соня разворачивает китайские палочки к себе и театрально замахивается ими в сторону живота, — харакири себе сделать! Как у тебя хватило ума в это вляпаться?

— Его невеста пришла ко мне в студию без записи. Сказала, контракт будет выгодный, свадьба пышная. Я знать не знала, что её женихом окажется мой бывший.

Сонька скорбно поджимает губы, присаживается рядом со мной на край кровати.

— Красивая она?

— Очень.

— Блинский...

— Вот именно.

— А он?

— Что «он»?

— Ну, как выглядит? Надеюсь, постарел? Полысел? Поплыл? Прыщи, геморрой, седина и другие прелести пенсии?

— Сонь, он меня всего на год старше!

— Ну так?

— Увы, — с досадой вздыхаю. Хватаю с пола футболку, тут же комкаю и с нервом отбрасываю в сторону. — Кажется, стал ещё красивей.

— Козёл.

— Угу.

Некоторое время мы сидим молча. Маэстро, будто чувствуя серьёзность момента, перестаёт вылизывать пузо и переводит взгляд с меня на Соню, как старый мудрый судья.

Соня первая нарушает тишину.

— А знаешь что? Чтобы не думать о нём, тебе нужно доказать самой себе, что есть ещё ягоды в ягодицах!

— А?

— Порох в пороховницах! Короче, Лидка, мужика тебе надо!

— Зачем?

— Когда у тебя было в последний раз?

— Было что?

Соня закатывает глаза.

— Начинается на «с», заканчивается на «екс». Помнишь ещё слово такое? Если забыла, могу учебник биологии принести и подробно о пестиках и тычинках рассказать, у меня племяш как раз в школе проходит.

— Я знаю, что такое секс, — с раздражением швыряю в подругу подушку.

— Да? А почему не пользуешься? Ты в курсе, что это на женское здоровье влияет? Гормоны там, все дела... Ты сначала никому не нужный целибат держишь, а потом удивляешься, что на людей бросаться начинаешь. Всем нужен секс.

— А мне кажется, значимость секса в жизни людей сильно преувеличена. Что он даёт, помимо возможности продолжить род?

— Удовольствие, Лидок! Удовольствие! — Соня назидательно задирает указательный палец к потолку. — Ты в курсе, что даже макаки занимаются сексом вне брачного периода? Они таким образом снимают напряжение и даже используют это как способ помириться. А мы чем хуже?

— Хочется верить, что мы несколько выше макак и живём не на инстинктах и спинно-мозговых рефлексах.

Сонька фыркает.

— Короче, мужик тебе нужен, Лида. Хотя бы чтобы просто расслабиться. Есть кто на примете?

Давлю в себе желание закопать подругу в одной из куч одежды. Любит же она неудобные вопросы задавать!

— Нет никого.

— Врёшь!

— Не вру.

— А Иван?

— Иван? Ты что?

— А что? — Невинно хлопает ресницами. — Шикарный экземпляр. Красивый, рукастый, с мозгами, с деньгами. А как на тебя смотрит!

— Никак он на меня не смотрит, — складываю руки на груди.

— Смотрит-смотрит! — Уверенно кивает Соня. — Как человек, который давно бы тебя прижал к ближайшей стенке, если бы ты не была такой пугающе самодостаточной.

— Мы просто друзья.

— Это ты так думаешь.

— Нет, это факт.

— Факт — это то, что на фоне острого дефицита мужского внимания вокруг тебя всякие сорняки в виде бывших вылупляются. Тебе экстренно необходима прополка и подкормка. Желательно в дорогом ресторане.

— У Ивана дочь, бывшая жена, работа. И вообще, он не про это.

— Ладно. Не Иван так не Иван. Кто тогда? — Соня смотрит выжидающе. Знаю, что не отвалит, пока я не сделаю вид, что согласна на её очередную авантюру.

Вздыхаю смиренно.

— Мама вчера сватала мне какого-то Антона.

— О-о-о, уже интереснее. И?

— И ничего. Архитектор. Недавно из Питера вернулся. На два класса старше меня учился. Играл на баяне.

— Баянист-архитектор? Ещё и не женат? Настоящий сын маминой подруги! Господи, Лидок, да ты обязана сходить с ним на свидание! Это будет полезно. На фоне Германа и всей этой свадебной жопы тебе сейчас нужен хоть какой-то новый раздражитель. Чтобы психика сместила фокус.

— Предлагаешь вышибать клин клином?

— А чем тебе не метод?

Молчу. Потому что, к сожалению, в этом есть логика. Сомнительная, конечно, очень в Сонькином стиле, но... она есть.

— Ну? — тянет она. — Сходишь?

Откидываюсь на кровать спиной, пялюсь в потолок.

Свидание с сыном маминой коллеги. С баянистом, архитектором. Чёрт знает кем.

Где я так согрешила, что моя жизнь пошла по наклонной?

Но, с другой стороны, больше, чем готовить свадьбу бывшему жениху, меня уже вряд ли что-то способно унижить.

— Ладно, — выдыхаю наконец. — Возьму у мамы его номер.

Соня победно вскидывает руки.

— Да начнётся путь к исцелению! А Герман пусть катится к чёрту! — Соня подставляет ладонь.

— Пусть катится! — Отбиваю. — Ну что, роллы и мелодрама?

Согласно киваю.

Роллы и мелодрама в компании подруги. И пусть весь мир подождёт!

Глава 9

Лида.

Студия танцев прячется на втором этаже старого особняка, который снаружи ещё пытается держать лицо дореволюционной интеллигенции, а внутри уже давно сдался под натиском модного творческого бизнеса. На первом этаже кофейня, выше йога, вокал, пилатес и зал для танцев.

Поднимаюсь по лестнице, и с каждой ступенькой раздражение во мне густеет.

Алиса с её сияющим «танго!» засела в голове занозой с того самого дня, как озвучила эту дурацкую идею.

Танго...

Не вальс же, как у всех нормальных людей. Вальс слишком нежный, округлый и приличный для этой чудесной компании. И плевать, что поставить хорошее танго с пластикой Германа то же самое, что запустить в космос ракету на реактивной тяге фонтанирующей от «Ментоса» колы.

Студию Яны Колосовой я знаю давно. Сколько пар я сюда уже отправила ставить первый танец, даже считать не хочу. Вальсы, фокстроты, какие-то нежные медляки под Эда Ширана, от приторности которых сводит скулы. Яна умеет превращать несколько незамысловатых движений в чудо. Она не сюсюкает, не гладит по голове и не врёт о том, что у вас уже почти получается, если пока у вас получается лишь топтаться по ногам партнёра и тяжело дышать.

Поэтому, когда я вхожу в зал и вижу её у зеркала, первое, что хочется сделать, это развернуться и уйти. Потому что Яна слишком хорошо видит людей. Профессионально намётанный глаз тут же подмечает и напряжённые плечи, и судорожно вцепившиеся в лямку сумки пальцы.

— Лида? — Она оборачивается, стягивая с хвоста резинку, и тут же пересобирает волосы снова, ту же. — А где твои голубки?

— Думала, уже здесь. Скоро приедут.

— Интересный выбор танца. Почему танго?

— Спроси об этом невесту. Вальс показался ей скучным и банальным.

— Люблю неординарный подход. Устраивайся поудобней, раз уж приехала понаблюдать, — взмахивает изящно в сторону.

Зал светлый, с длинной стеной зеркал и панорамным окном во двор. Пол натёрт до гладкого мягкого блеска. В углу колонка, стопка ковриков, кулер и стулья, на которые пары обычно сваливают одежду. Именно туда и направляюсь. Отставляю сумку и ловлю себя на том, что уже третий раз проверяю телефон, хотя звонить никому не собираюсь.

Нервничаю перед очередной встречей с Германом. Всё внутри стянуто так, будто я не на репетицию приехала, а на собственное вскрытие. Хотя, откровенно говоря, вот такие вот встречи с болезненным прошлым лицом к лицу мало чем отличаются от профилактического осмотра патологоанатома.

С лёгким скрипом распахивается дверь студии, и мне даже не нужно поднимать глаз, чтобы понять, кто именно вошёл. Потому что даже воздух мгновенно меняется с его присутствием, становясь более вязким, липким, сгущённым.

Герман снова один. И снова выглядит чертовски хорошо.

— Где Алиса? — Бросает он вместо приветствия.

— Почему ты спрашиваешь у меня? Думаешь, я стала её личным секретарём?

Пропустив колкость мимо ушей, Герман достаёт телефон из кармана брюк. Набирает номер и тут же ставит на громкую связь.

— Алло! — Раздаётся из динамика бодрый голос Алисы.

— Ты где?

— На маникюре. А что?

— Что значит «что»? Ты ничего не забыла?

Секундное замешательство сменяется протяжным выдохом:

— О-о-о... Репетиция? Сегодня?

— Я тебе напоминал.

— Прости, Герман, прости... Совсем вылетело из головы!

Герман едва заметно закатывает глаза. Поднимает руку, засучив рукав рубашки, и с претензией взирает на часы.

— Ладно, и через сколько ты будешь здесь?

Снова замешательство, в котором явно читается намерение не быть «здесь» ни сейчас, ни даже через час.

— Герман, я же говорю, что на маникюре. На другом конце города. Как ты себе это представляешь? Даже если я прямо сейчас подорвусь, то буду у вас только через часа полтора. В этом нет совершенно никакого смысла.

— М-да? И что ты предлагаешь?

— Предлагаю тебе сегодня встать в пару с Лидией.

Ловим с Германом синхронное ахреневание. Я, вытаращив глаза, интенсивно мотаю головой в отрицательном жесте. Да и Неверов тоже явно не в восторге от предложения невесты.

— Сбрендила? Почему я должен этим заниматься один? Не проще ли вообще перенести репетицию?

— Всего разик, лапусик! — Тянет Алиса. — Я тебя потом догоню, с моим опытом это не будет проблемой. А вот тебе лучше не упускать возможности потренироваться. Ой, прости, мне пора убирать руку в лампу. Чао!

Алиса сбрасывает звонок, так и не позволив жениху оспорить её незыблемое предложение. Молча стоим, вперив друг дружке между бровей тяжёлые взгляды.

Нет, нет и ещё раз нет! Танцевать с ним танго я точно не стану!

Нашли дуру...

Яна хлопает ладонями по бёдрам.

— Ну что, птенчики мои, в центр зала! И сразу договоримся: здесь я командую, а вы молча слушаетесь и не устраиваете сцен. Всё личное оставляем за дверью.

Не успеваю открыть рта, как Яна выталкивает нас с Германом на паркет.

Глава 10

Лида.

Музыки нет, и это только сильнее накаляет и без того взрывоопасную атмосферу. Тишина подчёркивает каждый шаг, каждый вдох, каждое лишнее движение.

Яна становится сбоку от нас.

— Сначала стойка. Танго начинается не с шага, а с того, как вы стоите друг напротив друга и что при этом друг другу обещаете телом.

Очень импонирует мне философия этого танца, потому что своим телом я обещаю Герману медленную и мучительную смерть, если он посмеет причинить мне малейший дискомфорт.

— Герман, сейчас ваша правая рука ложится на спину партнёрши. Не на талию, не на задницу, не блуждаем. Чуть ниже лопатки. Дайте своей женщине почувствовать опору. Лида, левая рука ему в правую. Локоть не провисает. Плечи не поднимай и не напрягай, ты не на допросе.

Она буквально сталкивает нас, швыряя друг другу в объятия. Мы как две тряпичные куклы, совершенно неуклюжие и неуверенно стоящие на набитых ватой ногах.

Герман кладёт ладонь мне на спину. И всё, что я так старательно держала в узде, рвётся с места. Потому что его прикосновение такое... обыкновенное. Почти привычное, сказала бы я, если бы между нами не стояло четыре года взаимной неприязни. Его рука ложится туда, куда и должна лечь. Уверенно и спокойно. И тело тут же вспыхивает.

Спина становится каменной. Подбородок сам собой задирается выше.

— Не деревеней, — Яна чуть постукивает меня ребром ладони по основанию шеи. — Герман, ближе к партнёрше. Между вами сейчас слишком много свободного пространства.

Это не свободное пространство! — хочется мне закричать.

Это стратегически важный рубеж обороны, который так легко рухнет с лёгкой подачи Яны.

Герман делает полшага ко мне. Резко прижимает меня ближе, и этого хватает, чтобы остатки воздуха покинули лёгкие с глухим выдохом.

Рубашка его пахнет чистотой, парфюмом и чем-то до омерзения привычным. Когда-то этот запах значил дом, утро, постель. Нормальную жизнь, которую можно потрогать руками. Теперь он значит только одно: у меня проблемы с самоконтролем.

— Смотрите друг на друга, — велит Яна, поддевая наши подбородки. — Не вниз и не в зеркало. На партнёра. Танго терпеть не может трусости.

Приходится поднять глаза.

Герман смотрит прямо, не скалится, не играет. И, кажется, сам слегка дезориентирован внезапной близостью.

Легче было бы злиться на привычного самодовольного Германа. А сейчас передо мной мужчина, который держит меня в танцевальной рамке так, будто и сам не рад этому контакту, но и отпускать не собирается.

— Перемещаем вес в опорную ногу, — продолжает Яна. — Лида, собери стопы, не расползайся. Почувствуй пол. Герман, вы ведёте. Сначала намерение, потом шаг. Готовы? Пошли. Просто ходим без музыки, на счёт. Без выкрутасов. Медленно. Учимся терпеть друг друга на таком близком расстоянии. Раз-два-три-четыре. И раз-два...

Герман ведёт.

Первый шаг я принимаю с опозданием в полсекунды просто из вредности.

— Не угадывай, — тут же поправляет Яна. — Не убегай от него вперёд. Жди импульс, Лида, и не суетись. Позволь мужчине забрать на себя твой вес. И раз-два...

От раздражения стискиваю зубы.

Он делает следующий шаг, и я снова убегаю вперёд.

Я много сил потратила на то, чтобы уйти от паттерна, в котором женщина зависит от мужчины. Почему-то принято считать, что без мужчины «долго и счастливо» в жизни женщины вообще не возможно. Ведь только когда он сделает предложение, наденет заветное колечко на безымянный пальчик и уверит женщину в сомнительной идее о том, что теперь его сердце принадлежит ей одной, только тогда женщина может воистину считаться счастливой.

Все остальные попытки женской самореализации отвергаются обществом, хоть и не так рьяно, как раньше.

Поэтому даже в танце я не могу позволить себе расслабиться и позволить мужчине вести. Я позволила однажды, и во что это превратилось? Даже вспоминать не хочу...

— ...три-четыре... Нет, — останавливает Яна. — Лида, ты не танцуешь, а споришь за авторитет. Напоминаю, что это танго, а не боевое самбо. Ничего не надо угадывать. Он не твой противник. Дай мужчине ошибиться. Кстати, очень полезный навык вне зала тоже. И раз-два-три...

Герман делает очередной шаг, и мне приходится отвечать.

Шаг.

Остановка.

Шаг.

Остановка.

Он ведёт меня легко, без суеты, показухи и малейшего сомнения в том, куда именно сейчас меня развернёт. Ладонь на моей спине чуть усиливает нажим, пальцы в моей руке подсказывают направление, и тело предательски послушно идёт следом.

Я имею право злиться, ненавидеть, держать дистанцию, скалиться и в любой момент вцепиться ему в лицо. Но вот этой животной, мышечной памяти плевать на мои права. Ей знаком этот мужчина. Ей удобно в его убедительной власти. Она подстраивается под него без спроса и стыда, и от этого хочется выть.

— Не паникуй, — горячее дыхание Германа опалает кожу на моей шее.

— Я и не паникую.

— Конечно. Поэтому у тебя кончики ушей красные. Это ведь смущение, правильно я помню реакции твоего тела?

С мерзеньким удовольствием наступаю Герману на ногу, от души вдавливая весь свой вес. Герман резко втягивает воздух. Стискивает челюсти от злости и буравит пальцами кожу спины, вжимая меня плотней.

— Будь внимательней, Лида.

— А ты не дыши мне в висок.

— Может мне вообще перестать дышать?

— Это был бы лучший подарок за вечер.

— Ты всегда теперь такая мегера?

— С обеда до четверти седьмого. В остальное время я сущий ангел.

— Ангел смерти, я полагаю.

— Ещё раз твоя ладонь опустится ниже моей лопатки и полагать не придётся, проверишь на собственной шкуре.

Герман давит короткий смешок.

Яна ходит вокруг нас, как хищная птица. Внимательно разглядывает на степень тесноты контакта и, кажется, остаётся довольной.

Жадно смотрим друг другу в глаза. Герман ловко закручивает меня по кругу, и я уже не соображаю, где заканчивается моё тело и начинается его. Зал вокруг нас превращается в маза-

нину. Ладонь Германа тесней прижимает меня, почти втрамбовывая в свой корпус. Я больше не слышу Яну, что отсчитывает наши шаги.

В голубых глазах напротив зажигаются знакомые мне искорки мальчишеского озорства.

На каждый шаг его бёдра касаются моих. Наши руки в сцепке словно срастаются. Границы стираются.

Колено Германа мягко вклинивается между моих ног, вынуждая раскрыться под ритм танца, и меня простреливает вспышкой жара.

Воздух застревает под ключицами, не находит выхода. Пульс шарахает куда-то в горло.

Я слишком хорошо помню, каково это — находиться настолько близко к нему.

Герман тоже не играет, это видно по глазам. По тому, как тяжелеет его взгляд. По тому, что холодная голубизна осеннего неба в них сменяется горячим плавленным свинцом.

Его пальцы медленно сминают ткань блузки на моей спине.

— Лида... — Моё имя, произнесённое вслух севшим, глухим голосом, ощущается как выстрел в голову.

Между нами внезапно не остаётся ничего похожего на танец. Только это ненормальное, густое напряжение, от которого всё тело прошибает разрядом в двести двадцать.

Я уже не понимаю, кто из нас ведёт, а кто следует.

— Стоп! — Яна хлопает в ладоши.

Этот инородный звук срабатывает отрезвляюще — мы с Германом одновременно вздрагиваем и резко отскакиваем друг от друга, будто нас облили ледяной водой.

Тяжело дышим.

Герман проводит ладонью по волосам на затылке. Таращится на меня так, словно не понимает, какого чёрта только что произошло.

Я же понимаю всё слишком хорошо, именно поэтому первой пячусь назад. Дрожащими пальцами хватаю со стула свою сумку.

— Лида, ты куда? Мы ещё не закончили, — окликает Яна.

Но я не хочу больше даже слышать о танго в объятиях прошлого. Практически вылетаю из зала и быстро спускаюсь по ступенькам вниз, в душный летний вечер.

Сердце колотится где-то под горлом, как после драки.

Только бы дойти до машины.

Только бы остаться одной!

— Лида! — Голос Германа догоняет меня уже на парковке.

Глава 11

Лида.

— Лида!

Торопливо шарю в сумочке в поисках ключей от машины, но разве ж там можно что-то быстро отыскать? Настоящий Бермудский треугольник: расчёска, помада, таблетки, чеки за позапрошлый год и какой-то загадочный болтик, который я ношу с собой третий месяц в надежде однажды вспомнить, откуда он открутился.

Судьба моей неустойчивой психики сейчас зависит от того, успею ли я найти треклятые ключи, или Герман всё же настигнет меня до того, как я успею скрыться в машине.

Пальцы нашупывают прохладный металл. Короткий писк сигналки, и дверца приоткрывается... ровно на столько, чтобы аккуратно захлопнуться обратно под тяжестью мужских ладоней. А я оказываюсь к плену рук Германа, что капканом смыкаются по обе стороны моего корпуса.

— Чего тебе нужно? — Не оборачиваюсь. Боюсь увидеть что-то неуместное в его глазах. Боюсь выдать и себя тоже.

Ведь несмотря ни на что, чёртово сердце всё ещё стонет и плачет. И чувства, кажется, восстают из пепла.

— Лида, я...

— Что бы ты не предложил, что бы не сказал, всё это будет абсолютно неуместным.

— Почему?

— Потому что у тебя невеста, Герман. Свадьба на носу. А я... У меня новая жизнь. Без тебя. Без эмоциональных качелей и иллюзорных надежд. Моё счастье больше не зависит от кого-либо. Тем более от тебя и твоих решений. Поэтому мне плевать на то, что ты собираешься мне сказать!

— Значит, мне не показалось.

— Что?

— Ты тоже почувствовала, — крепкое тело сильнее наваливается сзади, впечатывая меня в дверцу автомобиля. — Я знаю, что прав.

Зачем он делает это, раз всё знает?

И почему я не делаю ничего, чтобы это прекратить?

— Отпусти, — выдыхаю шёпотом. Боюсь, что если чуть повышу голос, то неминуемо сорвусь в истерику. — Отпусти и отойди.

— Нет, пока не согласишься.

— На что?

Герман шумно выдыхает. Его горячее дыхание щекочет мочку уха и касается щеки.

— Кофе попить.

— Ты сегодня уже перекрыл мой график, спасибо.

— Соглашайся, — шепчет. — Иначе я приду завтра. И послезавтра. Мне всё равно где и как, но мы поговорим. Ты это знаешь.

Знаю. Он умеет брать измором.

Поворачиваю голову настолько, насколько позволяют его руки, запершие меня между машиной и его телом.

— Герман, ты болен?

— Диагноз мне никто пока не ставил.

— Величайшее упущение медицины.

Герман опускает взгляд на мои губы. Они, словно почувствовав пристальное внимание, наливаются кровью и пульсируют теплом.

— Просто кофе, Лида. Десять минут. В публичном месте, при свидетелях, без удушения, скандалов и попыток утопить меня в ближайшем фонтане.

— Зря ты сразу отсекаешь такие перспективные варианты.

Он коротко усмехается.

— Так что, слабо? Струсила? Боишься меня, да?

Я могла бы уехать, но проблема в том, что сбежать сейчас значит признать поражение. Герман тоже это понимает. Он всегда слишком хорошо считывал мои слабые места. Раньше мне казалось, это и есть близость — когда человек видит тебя насквозь, потому что любит.

Как показала практика, некоторые люди пользуются этим, чтобы потом прицельней стрелять по болевым точкам.

— Ладно! — Резко разворачиваюсь к нему лицом. С вызовом смотрю в ледяные глаза. — Десять минут.

Поправляю ремень сумочки на плече и с самым независимым видом нажимаю кнопку на ключе. Машина снова мигает фарами, словно подмигивает: «Может, всё-таки внутрь, хозяйка? Там безопасней».

Но нет, маршрут уже перестроен.

Суй свою бестолковую голову в пасть крокодилу, Лида. Эволюция тобой гордится!

Возвращаемся в здание танцевальной студии, в кофейню. Занимаем столик у окна. Сажусь так, чтобы видеть вход — для гиперконтролирующей природы вроде меня принципиально важно держать в поле зрения пути к отступлению.

Официантка с блокнотом подплывает к нам буквально через минуту. Неотрывно залипает на Германа и немедленно расцветает улыбкой.

Ну да, чего уж там.

Красивый мужчина за столиком у окна, белоснежная рубашка, широкие плечи, взгляд тяжёлый и порочный. Понимаю, почему у неё голова кругом пошла, а в животе зашевелились крылья бабочек. Сама в ту же ловушку попала однажды.

— Уже что-то выбрали, или вас сориентировать по меню?

Я открываю рот, но Герман снова меня опережает. Как и в прошлый раз, он словно «Отче наш» отчеканивает заказ и обезоруживающе улыбается.

Господи, Лида, соберись. Это просто кофе.

— Перестань это делать, — кидаю в него острый взгляд, полный укора.

— Делать что?

— Делать вид, что знаешь меня как облупленную.

— Некоторые вещи невозможно забыть.

— Странно. Самые важные ты забыл довольно легко.

— Ты не знаешь, что я забыл, а что нет, — опускает глаза на свои руки. Сцепляет пальцы в плотный замок.

— Знаю ровно столько, сколько мне нужно.

— Удобная позиция.

— Безопасная.

— Ты всегда выбирала безопасность, когда боялась услышать правду.

— А ты всегда называл правдой всё, что позволяло тебе выглядеть менее паршиво.

В глазах Германа вспыхивает опасный огонь, ясно говорящий о том, что я снова задела за живое.

Вот теперь мы снова на привычной территории, где все дорожки заминированы, а вместо цветов растут взаимные претензии. Гораздо лучше, чем эта мерзкая нежность ностальгии, решившая вдруг высунуть голову из могилы.

— Ты согласилась на кофе, чтобы плевать ядом?

— А ты звал меня сюда для духовного исцеления? Решил карму почистить за мой счёт? Я зла на тебя не держу, — вру безбожно. — Если ты это хотел услышать, можно разойтись прямо сейчас.

— Я хотел нормально поговорить. Наладить контакт. Нам с тобой, как никак, сотрудничать до самой свадьбы.

Вальяжно откидываюсь на спинку стула. Подношу чашку с кофе к губам и под пристальным вниманием Германа делаю большой глоток.

— Что ж... Валяй. Налаживай контакт.

Он копирует мою позу — тоже откидывается расслабленно на спинку и отпивает свой кофе.

— Ну, как ты вообще поживаешь?

— Всё прекрасно.

— Как на личном фронте?

— Прекрасно.

— Поэтому ты до сих пор не замужем? — С издёвкой смотрит на мой «голый» безымянный.

— Проверяешь, в силе ли ещё прививка, что ты поставил? Увы, антитела на исходе. Поэтому я на всех парусах мчу вперёд к своему прекрасному принцу.

— А принц в курсе? Он хотя бы настоящий, Лид?

Гневно раздуваю ноздри и крепче сжимаю несчастную чашку с кофе в пальцах. Хочется снова Неверова освежить струёй жидкости в морду, но я держусь.

— Настоящий. И мы даже ходим на свидания.

— Мм... — напряжённо. — И кто он?

— Баянист. Хотя нет, сейчас архитектор.

— Баянист-архитектор? Многогранная личность, — на скулах Германа проступают желваки.

Смакуя удовлетворение, делаю ещё глоток.

— Значит, баянист, — тянет Герман презрительно. — И у вас всё серьёзно?

Провожу пальцем по краю чашки, смахивая подсохшую пенку.

Можно сказать правду. Что ничего серьёзного там нет. Есть лишь переживающая за меня мама, сын Тамары Аркадьевны, и моё глупое желание доказать себе, что я не увязла в прошлом по уши. Что Антон с баяном пока существует в моей жизни скорее как комическая угроза, чем реальный мужчина.

Но Герману правда не положена.

Правда достаётся только тем, кто не бросает тебя у алтаря.

— Да, у нас всё серьёзно.

Его взгляд тяжелеет.

— И когда же у вас свидание?

— А тебе зачем?

— Интересно.

— Неверов, купи себе хомяка, если скучно живётся. Что ты ко мне пристал?

Он подаётся ближе, упирая локти в стол. В этом движении нет ничего откровенно агрессивного, но пространство между нами моментально сжимается. Будто кафе уменьшается до размеров спичечного коробка, а кислород мгновенно испаряется.

— Когда?

— Завтра вечером.

— Куда он тебя ведёт?

— В музей современного искусства.

— В музей современного искусства, — вторит эхом.

— Да.

— С баянистом.

— Боже, да что тебя так задело в баяне? Это благородный народный инструмент. Между прочим, на нём можно исполнять всё, от «Катюши» до саундтреков Ханса Циммера.

— Он собирается играть тебе в музее?

— Если экспозиция окажется совсем невразумительной, музыкальное сопровождение может спасти вечер.

— Издеваешься?

— Немного. Но, надо признать, ты очень удобная мишень.

Герман медленно проводит большим пальцем по стенке чашки. Сверлит меня взглядом и пытается разобрать на составные части, как сложный механизм.

Раньше я таяла от этого взгляда.

Раньше мне казалось, что если Герман смотрит так внимательно, значит, я для него важна. А потом этот же человек посмотрел на меня у алтаря так, будто я стала ошибкой в смете, которую срочно нужно вычеркнуть.

— Признай, наконец, что внесла свою лепту в произошедшее, — цедит он наконец через зубы.

— Великолепно. Просто великолепно. Четыре года прошло, а ты всё ещё умудряешься сделать меня виноватой в собственном унижении. Талант не пропьёшь.

— Я не делаю тебя виноватой.

— Нет, ты просто аккуратно перекладываешь мне на колени дохлую кошку и удивляешься, почему я не умиляюсь.

— Лида...

— Что Лида? — Резко отставляю чашку. Кофе расплёскивается, оставляя на блюде светло-коричневую лужицу. — Ты хотел поговорить откровенно? Давай поговорим. У тебя свадьба через несколько месяцев, если твоя невеста не придумает ещё что-нибудь в духе танго, живых крокодилов, водопада из шампанского и моего публичного распятия в качестве интерактива для гостей. Ты женишься, Герман! На другой женщине. Поэтому мои свидания, музеи, баянисты, архитекторы и прочие представители фауны тебя не касаются. Ты не имеешь права этим интересоваться.

— Не имею, — стискивает челюсти, но прямого взгляда от моего лица не отводит.

Щёки и кончики ушей пылают.

Мелкими толчками выгоняю лишний воздух из лёгких, чтобы не лопнуть как воздушный шарик.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что... не могу не спрашивать.

Сердце, глупая моторная мышца, которую давно пора уволить за профнепригодность, делает такой кульбит, что мне хочется стукнуть себя кулаком по груди, чтобы вправить его обратно.

— Очень трогательно, но абсолютно бесполезно для всех участников циркового представления. Особенно для Алисы. Герман, пожалей свою невесту. И меня тоже.

Герман наконец отводит взгляд. Делает глоток кофе и морщится, потому что его американо наверняка уже стал горькой холодной бурдой. Заслужил.

— С Алисой всё сложно.

— Ой, только не надо, — выставляю ладонь. — Пожалуйста. Не начинай эту песню. У меня на неё аллергия.

— Какую песню?

— «Всё сложно, ты не понимаешь, обстоятельства сильнее нас, я не хотел, оно само». Мужчины, когда хотят объяснить свинство, почему-то всегда превращаются в безвольных

существ. О, конечно, ты не безвольный. Ты просто избирательно бессилён там, где нужно поступить честно.

Его глаза вспыхивают. Он зло и устало усмехается.

— А давай, злись! Ругай меня. Снимай с себя вину. Крути хвостом и дальше, раз уж у тебя это так хорошо получается. Охмури очередного болвана, чтобы перед самой финишной чертой показать ему свою двуличность. Надеюсь, он окажется умнее меня и раскусит тебя раньше.

Беззвучно хапаю воздух ртом.

Что за бред сумасшедшего? Это я-то двуличная?

Да я наизнанку перед ним вывернулась! Я показала ему самые уязвимые уголки своей души!

— Твой баянист тебя не вывезет, — продолжает свои пророчества Герман.

— А меня надо вывозить?

— Он сбежит после первого же твоего выпада.

— Некоторые и без выпадов сбегают, — теряя последние крохи терпения, поднимаюсь из-за стола. — Герман, ты совсем заблудился в собственных полномочиях. Моей жизнью ты больше не управляешь. Спасибо за кофе и прекрасно проведённое время.

Сбегаю.

До машины иду на ватных ногах. Внутри всё дрожит, как натянутая струна. Сажусь за руль, закрываю дверь и только тогда позволяю себе выдохнуть. Руки трясутся.

Всего один кофе с бывшим, и я снова чувствую себя женщиной, которая несёт в руках гранату без чеки.

Лезу в сумочку, проверяю накопившиеся уведомления и пропущенные звонки. Среди них сообщение от моего баяниста.

Антон: *Лида, я надеюсь, музей современного искусства завтра в силе?*

Перевожу расфокусированный взгляд с экрана телефона на дверь кофейни, из которой как раз выходит Герман. Он стоит под тёплой неоновой вывеской, неотрывно пялится в окна моей машины, и весь его вид транслирует явное «я не договорил!».

Нет уж, дорогой. Не сегодня.

Мне давно пора перестать ждать объяснений от человека, который четыре года назад оставил после себя только руины.

Снова опускаю взгляд к экрану.

Лида: *В силе. До встречи завтра.*

Завожу машину и выезжаю с парковки с таким чувством, будто только что не согласилась на свидание, а объявила войну бывшему.

Возможно, так оно и есть.

Глава 12

Лида.

Тащусь на это грёбаное свидание не по зову сердца, а из вялого чувства долга. А тот факт, что машинка моя в сервисе, и приходится ехать на такси, лишь добавляет раздражения в переполненную копилку.

У музея современных искусств настоящий ажиотаж. Люди лягаются и толкаются локтями, пытаюсь пробить себе дорогу ко входу, минуя огромную очередь. Возмущённый ор летит от тех, кого опередили в спины тем, кто обогнал.

Не знала, что у нас так много ценителей искусства...

Зависаю взглядом на огромной колбасе из людей, мысленно подсчитывая, сколько драгоценных минут и нервных клеток потрачу здесь прежде, чем доберусь до заветного входа. Кажется, я обречена состариться в этой очереди.

Телефон в кармане коротко вибрирует.

Антон: Я подъехал. Через минуту буду у входа. Дождись, не заходи без меня.

А этот сын маминой подруги настоящий оптимист!

Боюсь, в музее успеет смениться три экспозиции, прежде чем мы окажемся внутри.

Поднимаю голову как раз в тот момент, когда ко мне быстрым шагом направляется мужчина.

Высокий. Подтянутый. Хороший тёмно-синий костюм, аккуратная стрижка, уверенная походка. Не красавец с рекламного билборда, но очень даже ничего. Он явно из той породы мужчин, на которых невольно задерживаются женские взгляды. И реакция женщин в очереди красноречиво мои домыслы подтверждает.

— Может, мама всё же была не совсем права?

— Лида? — улыбается он, подходя ближе.

— Да. Антон?

— Он самый. Не похож?

— Да я просто...

— А я сразу тебя узнал. Ты вообще не изменилась со школы.

Лесть, конечно, но чертовски приятная.

Он окидывает очередь взглядом, чуть слышно присвистывает.

— М-да, как в мавзолее. Давно стоишь?

— Минут двадцать, но не продвинулась, кажется, ни на метр. Не уверена, что у нас вообще получится туда попасть. Может, просто прогуляемся без лишних проблем?

— Брось, это вообще не проблема, — подмигивает и хватается за локоть, вытаскивая из очереди.

— Антон, мы место потеряем!

— Найдём лучше. Давай, не отставай!

На ходу вытаскивает телефон, набирает кому-то, перекидывается парой фраз. Я почти ничего не слышу из-за гомона толпы, но кажется, Антон остаётся доволен разговором, потому что, убрав телефон, он одаривает меня ослепительной улыбкой.

— Ну, вот, говорил же — никаких проблем, — он тащит меня дальше, минуя людей, стоящих на ступенях музея перед входом.

Ловлю на себе тяжёлые взгляды, отравленные иглами немного возмущения. Кажется, ещё немного, и нас линчуют прямо здесь, выпотрошат и набьют соломой, превратив в ещё один арт-объект современного искусства.

С серьёзными фейсерами Антон почти по-братски обнимается, а я удивлённо вскидываю брови. Дверь перед нами распаивается.

— Прошу, — он взмахивает рукой, пропуская меня вперёд.

Закрывающаяся дверь отсекает раздражённые крики людей.

Ладонь Антона ложится на мою поясницу, чтобы едва заметно подтолкнуть дальше по широкому коридору. Дёргаюсь от неожиданного, слишком личного касания и ускоряю шаг.

— Почему нас впустили? Ты знаком с охраной?

— Бери выше, Лидочка, — с ноткой самодовольства. — Наше архитектурное бюро занималось реконструкцией этих залов. В частности, твой верный слуга приложил руку к созданию этой выставки.

— Впечатляет.

— Не буду отрицать, работу мы проделали колоссальную. Начнём отсюда? — Указывает на один из коридоров, ведущий в затемнённый зал.

Медленно бредём вдоль экспонатов.

Я почти начинаю верить, что вечер можно пережить без жертв и членовредительства.

Антон держится легко, уверенно, рассказывает о выставке, о художниках, о том, почему эта инсталляция — комментарий к травме постиндустриального общества, а та груда кирпичей в углу на самом деле исследование памяти и распада.

Я в современном искусстве понимаю примерно столько же, сколько в устройстве карбюратора. Могу сделать заинтересованное лицо, кивнуть и даже нечленораздельно что-нибудь промычать, но в глубине души всё равно буду думать, что кто-то просто разбросал по полу строительный мусор и удачно это монетизировал.

Антон, впрочем, не замечает моей неопытности. Или замечает, но воспринимает это как повод блеснуть ещё сильнее.

— Современное искусство вообще не про красивое, — объясняет он, заложив руки за спину, стоя перед полотном, на котором кто-то в ярости размазал грязно-серый с красным. — Оно про честность высказывания. Про способность выйти за рамки декоративности.

С подозрением кошусь на холст.

— То есть вот это — честное высказывание?

— Именно. Хотя, конечно, без базы это трудно считать.

— Ясно. Значит, мне пока рано.

— Ничего, — со снисходительной улыбкой. — У тебя просто другое восприятие. Более прикладное. Но если как следует заняться твоим воспитанием, из этого выйдет толк.

Вмиг забываю, что ещё хотела сказать.

Воспитанием? Заняться моим воспитанием?

Стараюсь не придавать его словам значения. Пытаюсь убедить себя в том, что Антон просто неудачно выразился.

Мы переходим в следующий зал. Там висят фотографии чего-то голого, холодного и очень депрессивного. Антон говорит о структуре пространства, мужском взгляде, визуальной доминанте и значении пустоты.

Ловлю себя на том, что уже минут пять думаю лишь о чашке крепкого кофе. Подозрительно знакомо вибрируют виски.

Останавливаемся перед очередным шедевром. Это мерзкий серый комок, напоминающий мне нечто, что выходит с хрипом изо рта Маэстро после того, как он налижется собственной шерсти.

— Ну, Лида, расскажи, чем ты сейчас занимаешься? Мама говорила, у тебя какой-то свой проект.

— Не какой-то, а вполне конкретный. У меня свадебная студия.

— Да? — Антон поднимает брови. — Даже так.

— Даже так.

— Интересно. И очень по-женски, кстати. Красивое дело, эстетика, эмоции, атмосфера. Возможность проявиться, но при этом не лезть в жёсткую конкуренцию.

О, что это? Первая пощёчина?

— Если бы я продавала арматуру, это уже было бы серьёзнее?

Антон смеётся, будто я удачно пошутила. Но я вообще не шутила.

— Я не в том смысле, не обижайся. Я человек традиционных взглядов. У меня есть чётко сформированное понятие о том, какой должна быть моя женщина. На мой взгляд, это и отличает зрелого мужчину от глупого юнца.

Медленно идём дальше. Он говорит, я киваю. И чем дольше он говорит, тем сильнее во мне крепнет ощущение, что я не на свидании, а на пробном собеседовании на должность правильной женщины при муже.

Все его высказывания источают плотный шлейф мизогинии, а рассуждения строятся на цитатах из пацанских пабликов в соцсетях.

Обойдя ещё два зала, приземляемся за столик в кафе при музее, и слава богу! Стук в висках медленно нарастает, но я всё ещё надеюсь, что это просто головная боль, а не очередная атака мигрени. Антон берёт два кофе и пирожные.

— Ты молодец, конечно, — медленно размешивает он сахар. — Так мило монетизировала своё чувство прекрасного.

— Прости?

— Ну, свадьбы, декор, цветы, — пожимает плечами. — Это же, по сути, такое красиво оформленное женское чувство прекрасного. И ты очень удачно нашла ему применение. Но я бы не назвал это прямо бизнесом. Не обижайся, я просто стараюсь смотреть на вещи трезво.

— То есть бизнес — это когда мужики в серых костюмах перекладывают бумажки и называют друг друга партнёрами, а если женщина зарабатывает на красоте, логистике, организации, то это не в счёт?

— Вот видишь, ты и сама это понимаешь, — Антон снова снисходительно улыбается.

А я чувствую себя ребёнком, слишком эмоционально защищающим свою поделку из шишек и палок, и доказывающим взрослым, что это настоящий шедевр!

Борюсь с желанием взять вилку и воткнуть её себе в бедро, чтобы нарисовалась уважительная причина свалить с этого свидания, больше смахивающего на ментальную кастрацию моего самоуважения.

— Ты производишь впечатление человека, который всё время с кем-то борется. Это утомляет. В первую очередь саму женщину.

— Что плохого в том, что женщина работает и достигает целей?

— Женщина может работать, кто ж спорит. Главное, чтобы это не мешало её основному предназначению.

Прищуриваюсь мстительно. Окидываю зал быстрым взглядом в поисках тупого предмета, которым можно было бы выбить из головы этого альфа-самца все его древние установки.

— И какое же основное предназначение женщины, на твой взгляд? Стоять у плиты и рожать детей?

Антон разводит руками как бы говоря: «смотри, ты снова всё сказала сама».

— Я считаю, что женщина может работать, если ей это в радость. Но без фанатизма. Ну вот ты добилась своего, а дальше что? Ну, свадьбы, цветочки, ленточки... это же, по сути, баловство. Думаю, ты и сама прекрасно осознаёшь, что твои попытки кому-то что-то доказать не более, чем желание заткнуть пустоту. А пустота в твоей жизни образовалась из-за отсутствия правильного мужчины.

— Правильного? — Давлюсь кофе.

— Того, кто сможет указать верный вектор развития. Одинокие женщины как заблудшие овцы, часто теряют ориентиры и всю жизнь идут не в ту сторону. Им нужна твёрдая рука. Правильное воспитание, если позволишь.

— То есть женщину нужно воспитывать?

— А как ещё? Гулянки с подружками, безнравственное поведение, соцсети. Я уже не говорю о том, что женщина порой даже одеться подобающим образом не может, отсюда эти кричащие цвета, короткие юбки, призванные цеплять взгляды мужчин. Я бы, конечно, не стал ломать тебя через колено, но мягко скорректировать жизненные ориентиры точно бы смог. Ты хорошая. Просто тебя бы чуть приземлить.

Пытаюсь не крикнуть от откровенного возмущения, рвущегося наружу.

Да, этот Антон внешне мамами одобряемый, и формально не пьёт кровь младенцев, но рядом с ним отчаянно хочется выйти в окно. Он не орет открыто, что мое место на кухне, зато оценивает меня как нечто симпатичное, но совершенно несерьёзное.

И даже мои попытки через иронию донести своё несогласие с его точкой зрения он, видимо, расценивает как женскую игру, флирт.

— В доме всё-таки должен быть один центр принятия решений, — продолжает Антон, размешивая давно растворившийся сахар. — И, честно говоря, это не женщина.

Медленно поднимаю на него глаза. Правый подёргивается предостерегающе.

В мозгах постукивает неприятно, предупреждая о том, что если я не выйду сейчас же из зоны поражения, мигрень врубит спецэффекты.

— Как интересно. А женщина в доме тогда что? Филиал службы клиентской поддержки? Антон улыбается, будто я сказала что-то забавное и глупенькое.

— Ну зачем ты так? Женщина — это атмосфера. Красота. Тепло. Дом. Вдохновение. Мужчина строит внешний мир, женщина наполняет внутренний.

— А если женщина тоже строит внешний мир?

— Может, конечно. Но не в ущерб главному.

— Главному — это чему?

— Семье, Лида. Себе как женщине. Своей мягкости. Ты же очень красивая, но твоя манера выражать мысли меня откровенно пугает.

— Вот как.

— Да. В тебе много колкостей. Это не плохо, если рядом мужчина, который умеет с этим обращаться. Мне, например, нравятся женщины с характером. Главное, чтобы характер не мешал им оставаться женщинами.

Почти физически чувствую, как где-то внутри меня медленно встаёт, потягивается и разминает плечи моя внутренняя ведьма. Та самая, которую я обычно держу на коротком поводке ради общественного порядка.

— Антон, а можно я уточню, что значит быть женщиной в твоём понимании? Красиво молчать, рожать, убираться, варить борщ и благодарно смотреть на центр принятия решений?

Он терпеливо вздыхает.

— Ты утрируешь.

— Да что ты.

— Конечно. Я за самореализацию, правда. Но без перегибов. Когда работа становится важнее дома, это уже тревожный звоночек.

— Да. А когда мужчина на первом свидании проводит аудит моей женской пригодности, это что? Романтика?

Он впервые хмурится. Вероятно, не такой реакции он ожидал. Он рассчитывал, что я с радостью сброшу со своих хрупких плеч непосильную ношу и брошусь в его объятия, чтобы стать послушной английской женой.

— Лида, ты красивая, умная женщина. Но ты сама себе мешаешь. Я вижу в тебе потенциал для нормальной семейной жизни.

— Потенциал? Как в помещении под ремонт?

— Не цепляйся к словам.

— Да я просто люблю масштаб бедствия.

Пульсация в виске становится сильнее. Свет над стойкой вдруг делается слишком ярким, звон чашек слишком резким, а голос Антона скребёт по нервам, как ржавый гвоздь по стеклу

Надо уходить.

Срочно.

Пока я не сделала что-нибудь такое, после чего музей современного искусства пополнится инсталляцией «Мужчина, внезапно осознавший ценность молчания».

— Ты просто давно одна, — голос Антона смягчается. — И отвыкла от нормальной мужской опоры. Но с правильным мужчиной это проходит. Он снимает с женщины лишнюю ответственность. Даёт ей направление. Позволяет расслабиться.

Отодвигаю чашку.

Кофе остыл. Пирожное осталось нетронутым. Свидание умерло, не приходя в сознание.

— Знаешь, Антон, я всё пыталась понять, что именно меня смущает. И теперь поняла.

— И что же?

— Ты говоришь «опора», а имеешь в виду поводок.

— А вот это было грубо.

— Нет. Грубо — это прийти на свидание с женщиной и сорок минут объяснять ей, что её бизнес вовсе не бизнес, её характер требует корректировки, её жизнь без мужского руководства дефектна, а главная ценность её существования — быть красивой функцией при правильном мужчине.

— Я такого не говорил.

— Ты сказал ровно это. Просто завернул всё в красивый фантик.

Резко встаю и тут же жалею об этом, потому что мир качается, а боль в виске вспыхивает россыпью горячих искр. Приходится вцепиться пальцами в край стола. Тошнота подкатывает к горлу, свет расплывается мутным ореолом.

Антон смотрит на мою руку.

— Тебе плохо?

— Да. Но, к счастью, причина устранима.

— Лида, не устраивай сцену.

Но Лиду не остановить уже.

— Если бы женщины боялись устроить сцену, мы бы до сих пор спрашивали разрешения открыть счёт в банке, голосовать, учиться, разводиться и, возможно, выходить из комнаты без сопровождения центра принятия решений. Так что позволь мне, как испорченной современной женщине, сделать маленький вклад в историю личного освобождения.

Антон поджимает губы.

— Ты ненормальная.

— Возможно. Зато не твоя.

Беру сумочку. Ремешок цепляется за спинку стула, и я раздражённо дёргаю его на себя.

— И ещё. Моя жизнь не нуждается в твоей корректировке. Мой бизнес не нуждается в твоём одобрении. Моя женственность не нуждается в твоей сертификации. А моё одиночество, если оно вдруг существует, всё равно в тысячу раз приятнее общества мужчины, который видит в женщине красивую мебель с репродуктивной функцией.

В кафе становится тихо.

Антон смотрит на меня так, будто я сорвала с него приличный костюм и показала всем дешёвую подкладку.

Разворачиваюсь и иду к выходу.

Каблуки стучат по полу. Свет бьёт в глаза, но я упрямо держу спину ровной. Пусть в голове работает маленькая строительная бригада с перфоратором, пусть желудок угрожает устроить собственную революцию, но уйти красиво я обязана хотя бы ради собственной гордости.

В спину мне летит возмущённое:

— Эй! Тогда верни деньги за кофе!

Останавливаюсь и медленно оборачиваюсь. Достāju из сумочки купюру, возвращаюсь к столику и кладу её перед Антоном.

— Держи. Это не за кофе. Это компенсация за то, что тебе сегодня пришлось столкнуться с женщиной, у которой есть мнение, работа и способность покидать помещение без разрешения мужчины. И да, сдачу оставь себе. Купишь методичку поновее. Эта морально устарела примерно во времена отмены крепостного права.

С гордо поднятой головой выхожу на улицу.

Глава 13

Лида.

До дома всего несколько кварталов, и я, поверив в собственные силы и устойчивость каблучков, решаю отправиться в пешее путешествие.

Вечереет.

В висках нарастает уже хорошо знакомая мне пульсация, но я легкомысленно отмахиваюсь от неё, уверенная в том, что до начала настоящей боли точно доберусь домой. Не удивительно, что мигрень решила навестить меня сегодня — она вообще чувствует мою уязвимость и приходит обычно добить сверху.

Расстроенная, плетусь вдоль улицы вверх.

Искося поглядываю на своё отражение в витринах бутиков, но стараюсь сильно не вглядываться — можно ненароком увидеть очередные туфли за много тысяч денег, и непременно захотеть их купить. А учитывая моё пошатнувшееся психическое равновесие, от импульсивной покупки сейчас меня ничего не отделяет.

В толпе мелькает знакомый профиль, а сердце учащённо долбит в рёбра, потому что на мгновение мне кажется, что это Герман. Но разглядеть как следует не выходит — мужчина растворяется среди прохожих.

Я же ускоряю шаг.

Зачем? Догонишь его и...?

С чего ты вообще взяла, что твоя галлюцинация обязана быть Германом? Да и если это он, какое тебе до него дело, Лидия? Осади коней!

Сбавляю темп...

Нет, вряд ли бы он тоже оказался здесь по случайному стечению обстоятельств. И это хорошо. А вот то, что я вижу его образ в других — плохо.

Мне казалось, что я точно разлюбила. Что невозможно любить человека после такого унижения. Но собственные же реакции лишь подтверждают тот факт, что ничего не забыто.

Да, я больше не реву в подушку по ночам, и не порываюсь позвонить ему после пары лишних бокалов вина с Соней, но мне всё ещё больно от воспоминаний.

Возможно, я скучаю не по нему. Я скучаю по себе, когда была с ним.

Тогда я была лёгкой и открытой. С Германом я смеялась чаще, дышала свободней и жила как-то проще, не стиснув зубы, не собрав себя в кулак. Рядом с ним мне не нужно было всё время быть сильной, собранной, начеку. Мне хватало того, что у меня есть возможность любить, доверять, строить планы, выбирать скатерть для будущей кухни и спорить о том, какого цвета будут стены в спальне.

Господи, как сейчас помню, как мы в пух и прах разругались с Германом из-за цвета стен. Тогда это казалось чем-то принципиальным и фундаментально важным, ведь это кусочек нашего общего будущего. Тогда я ещё не знала, что никаким общим будущим там и не пахло...

От этого воспоминания в висках простреливает сильнее. Морщусь, сбавляя шаг. Боль уже не пульсирует где-то на фоне, она с ноги распахивает дверь и косит мои несчастные нейроны мачете, прокладывая себе путь.

Молодец, Демидова, отличный был план пешочком до дома!

Ближайшая аптека светится впереди зелёным спасительным крестом. Толкаю стеклянную дверь плечом, вваливаюсь внутрь и несколько секунд просто стою под слишком ярким белым светом, пытаюсь сфокусировать взгляд на витринах.

Девушка за кассой что-то спрашивает, но слова доносятся до меня как через толщу воды. — От мигрени, — мямлю невнятно. — И воду.

Она кивает, перебирает коробочки. Роюсь в сумке, вытаскиваю карту, едва не роняю её на пол. С таблеткой, бутылкой воды и остатками достоинства выхожу обратно на улицу.

Свет фонарей режет глаза. Шум пролетающих мимо машин ввинчивается прямо в череп. Без сил опускаюсь на ступеньки аптеки, откручиваю крышку, закидываю таблетку.

Контуры витрин дрожат, буквы на вывесках дwoятся, лица прохожих будто на секунду выпадают из фокуса. По краю зрения идёт мерзкая, мерцающая рябь.

Аура, чёрт бы её побрал. Сегодня моя мигрень особенно люгует, раз захватила подружку. Сейчас они на пару разнесут мой мозг.

Откинувшись спиной на прохладную стену, прикрываю глаза.

Дыши, Лидок. Просто дыши. Сейчас отпустит.

В ответ на мои внутренние уговоры боль только крепче сжимает голову в тиски.

Чёрт.

Надо такси вызвать, иначе откинусь прямо здесь, и на мой хладный труп с утра помочится чья-нибудь болонка.

Достаю телефон. Экран вспыхивает так ярко, что глаза вот-вот выпадут из орбит. Буквы расплываются, прыгают, будто кто-то нарочно переставляет их местами. Щурюсь, промахиваюсь мимо нужной иконки, тыкаю не туда, злюсь ещё сильнее.

— Лида?

Голос звучит так близко и так неуместно, что я не сразу понимаю, мерещится мне это или нет.

Заторможенно поднимаю голову, непонимающе моргаю.

И правда Герман.

Стоит в нескольких шагах от меня, хмурый, собранный и слишком реальный для галлюцинации.

— Теперь ты мне и в бреду являешься, — выдыхаю.

Он подходит ближе, оценивающе смотрит на бутылку в моей руке и на моё перекошенное лицо. Кажется, мгновенно всё понимает.

— Сильно болит? — Присаживается на корточки.

— Ничего не болит.

— Таблетку выпила?

— Угу.

— Давно?

— Только что.

Кивает. Пробегается взглядом по моему лицу ещё раз и хмурится сильнее прежнего.

— Встать сможешь или помочь?

— Я в твоей помощи не нуждаюсь.

Пытаюсь подняться и тут же понимаю, что ляпнула глупость, потому что мир качается, а ненадёжная ступенька уходит из-под ног. Я едва не заваливаюсь вперёд, но Герман успевает подхватить меня прежде, чем я окончательно опозорюсь, распластавшись на асфальте.

Широкая ладонь ложится мне на талию.

И даже сейчас, когда меня тошнит, ломит голову и хочется взвыть от бессилия, тело всё равно мгновенно узнаёт его. Ширину плеч, твёрдость рук и манеру держать крепко-крепко.

— Я машину бросил вон там, на парковке, — тычет куда-то пальцем, наивно полагая, что мне есть до этого дело сейчас. — Дойдём?

— А есть варианты?

— Я могу донести.

— Не смей трогать меня своими руками.

— Вообще? То есть, могу отпустить?

Не отпуская, он делает небольшой шаг в сторону, а я инстинктивно льну к нему, как утопающий к проплывающей мимо соломинке.

Герман смеётся и тут же возвращается на место, покрепче перехватывая меня за талию. Медленно идём.

Точнее, это Герман идёт, а я буквально болтаюсь на нём и едва переставляю ноги, стараюсь не упасть и не показать, насколько мне плохо. Но он, кажется, и без того всё понимает. Подстраивает шаг под мой, держит крепче, когда я спотыкаюсь на ровном месте, молчит. Не старается поддеть и укусить, хотя мог бы воспользоваться моей слабостью и вдоволь попрактиковаться в стендапе.

Добираемся до парковки, Герман открывает машину, усаживает меня на переднее сиденье, пристёгивает. Я даже протестовать не пытаюсь. Нет сил.

— Куда тебя, Лидок?

— Домой... — хриплю на остатках горячего, что есть ещё в моём теле.

Он снова смеётся.

— Это я как раз понял. А адрес скажешь?

Я открываю глаза. Или мне кажется, что открываю. Телефон всё ещё зажат в руке, экран погас. Мысли плывут в сером мутном мареве.

Пытаюсь вспомнить улицу. Номер дома. Хотя бы район!

Вместо этого в голове только гул, боль и какое-то липкое, стыдное желание просто отключиться и больше ничего сегодня не решать.

— Лида?

Его голос звучит далеко и глухо, словно через воду.

Поворачиваю голову на звук, хочу что-то сказать, но не успеваю.

Темнота накрывает мягко и мгновенно.

Глава 14

Лида.

Просыпаюсь резко, будто кто-то выдёргивает меня из тяжёлой, вязкой темноты за шиворот. Несколько секунд просто лежу, не шевелясь, и смотрю на стены — серые, ровные и, совершенно очевидно, чужие.

Под головой слишком большая подушка. Одеяло пахнет не моим кондиционером для белья, а в воздухе висит едва уловимый, но до дрожи знакомый аромат мужского парфюма. И меня прошибает холодным потом.

Рывком сажусь на постели, укладываю прохладные пальцы на виски. Голова уже не раскалывается, как вчера, но всё ещё неприятно гудит. Во рту сухо, язык прилип к нёбу, и на фоне всей этой прелести я пытаюсь восстановить вчерашний день. Память, сволочь, выдаёт обрывки неохотно, будто издевается.

Неоновый зелёный крест аптеки, бетонные ступеньки, белый свет фар. Телефон, в котором плыли буквы и...

Герман!

Чёрт!

Зажмуриваюсь.

Ну конечно. Конечно, Демидова, из всех квартир города ты должна была очнуться именно в квартире своего бывшего. Браво.

Оглядываюсь по сторонам, всё ещё надеясь, что это какая-то нелепая ошибка, дурной сон, мигренозный бред, галлюцинация на фоне пережитого стресса, но спальня моего личного супермена слишком реальна.

Лаконичная мебель из тёмного дерева, серые стены без единой лишней детали, плотные шторы, пропускающие в комнату приглушённый утренний свет. Ни одной случайной вещи, ни намёка на хаос. Всё выверено, собрано, расставлено с той сдержанной педантичностью, которая всегда бесила меня в Германе и одновременно успокаивала.

Взгляд цепляется за прикроватную тумбу и стоящую на неё рамку с фотографией.

Рокси.

Спаниель с длинными ушами, умильной мордой и коротким купированным хвостиком. На фото она совсем молодая, лоснящаяся, с мячиком в зубах и ослепляющей, всеобъемлющей собачьей любовью во взгляде.

Помню, как эта маленькая рыжая прелесть покушалась на мои туфли. В доме родителей Германа её содержали, как английскую королеву. Сейчас Рокси уже дама в годах. А жива ли она вообще?

Я ничего больше не знаю о Германе и его семье...

Провожу ладонью по лицу.

Нельзя так. Нельзя распускать нюни от фотографии чужой собаки в чужой спальне. Надо взять себя в руки, встать, умыться, выйти отсюда с достоинством и сделать вид, что ничего особенного не произошло.

Подумаешь, бывший подобрал тебя с мигренью на улице и привёз к себе домой. Обычное дело. Можно сказать, повседневность.

Выползаю из постели.

На стуле у кровати обнаруживаются мои вещи — аккуратно сложенный платок и стоящие рядом туфли. Не хочется даже думать, как именно я вчера сюда попала, в каком состоянии, и помогал ли он мне раздеться. От одной этой мысли к щекам моим приливает кровь.

Натягиваю платье, кое-как приглаживаю волосы пятернёй и, прежде чем выйти из комнаты, на секунду задерживаюсь у двери, из-за которой тянет ароматом свежесваренного кофе и горячих тостов. И от этой бытовой простоты у меня внутри всё скручивается ту же.

Нет, Лида, никаких чувств. Никаких воспоминаний.

Вышла. Вежливо поблагодарила. Убралась отсюда к чёртовой бабушке.

Только так!

Иду на запахи, минуя просторную гостиную, и замираю на пороге кухни.

Герман стоит у плиты спиной ко мне в чёрной футболке и домашних брюках, босиком. В одной руке лопатка, которой он ловко извлекает венские вафли из вафельницы. На столе уже стоит тарелка с тостами, ломтиками сыра, нарезанными фруктами и стаканом свежевыжатого сока. Кофе дымится в кофейнике, солнечный свет льётся из окна, и вся сцена выглядит так убийственно мирно, будто и не было тех четырёх лет, когда я мысленно пуляла отравленные токсином дротики в портрет Германа.

Будто я всё ещё там, в нашем общем прошлом.

Герман меня не замечает, и мозг тут же расценивает это как шанс на то, чтобы скрыться незамеченной.

Очень медленно делаю шаг назад, за ним ещё один осторожный шаг. Разворачиваюсь, когда из коридора раздаётся звонкий визг, цокот когтей по паркету, и на меня вихрем налетает что-то рыжее, длинноухое и совершенно невменяемое от радости.

— Рокси! — Выдыхаю, едва успев присесть, чтобы не оказаться сбитой с ног.

Старушка скребёт когтями по моим коленям, виляет своим смешным коротким хвостиком и буквально ломится ко мне на колени. Отчаянно тянется вперёд, стараясь облизать своим влажным языком всё моё лицо.

— О-о-о, моя хорошая... Старушка, ты не забыла меня? Да ты ж моя девочка... Иди сюда, иди ко мне.

Рокси поскуливает от восторга, тычется мокрым носом мне в шею. Длинные уши как лопасти болтаются из стороны в сторону. Глажу её между ушей, по спине, по мягким бокам.

Конечно, трогательный момент воссоединения старых друзей не остаётся незамеченным.

— Уже проснулась? — Герман ладонью чуть отодвигает Рокси и помогает мне встать. — Завтрак готов. Я как раз собирался тебя будить.

Рокси пристраивается у моих ног, словно боится, что я снова исчезну.

Увы, моя девочка, но иначе никак...

— Да, я... Я поеду.

— Позавтракай сначала.

— Не стоит.

— Стоит, — отрезает без нажима, но так, что спорить становится бессмысленно. — После вчерашнего тебе лучше хоть что-нибудь съесть, если не хочешь рухнуть в голодный обморок.

Поджимаю губы.

Ненавижу, когда он говорит этим своим спокойным, почти ленивым тоном, за которым всегда прячется железобетонное «будет так, как я сказал».

Несколько секунд смотрим друг на друга, как два упрямых идиота.

Сдаюсь и усаживаюсь за стол. Честно говоря, есть и правда хочется до одури. Если встану сейчас на свои шпильки и попрусь в таком состоянии через весь город, вряд ли мне снова так повезёт, что рядом окажется сердобольный филантроп, не возражающий против бесчувственного тела в своей постели.

Тянусь к чашке кофе, но Герман быстро, почти не глядя, забирает её у меня из-под носа и подсовывает в мои руки стакан грейпфрутового сока.

— Эй, ты серьёзно?

— Более чем.

— Я хочу кофе.

— Но полезней будет выпить сок.

— Плевать на пользу, я хочу свой кофе.

— Сразу после того, как восстановишь баланс электролитов. Сок из красных фруктов отлично с этим справляется.

Мстительно прищуриваюсь.

— Какой заботливый.

— На здоровье, — одаривает меня снисходительной улыбкой и садится напротив.

Рокси ложится под столом, устраивая морду на моих ногах. Не позволяет трусливо ретироваться.

Воцаряется такое натянутое, густое молчание, что его можно резать ножом и раскладывать на золотистые тосты вместо сыра.

Мне слишком знакомо это всё.

И этот волшебный свет, подсвечивающий Германа со спины, и его навязчивое желание позаботиться. И совместные завтраки — спокойные, сонные, ленивые, когда я в футболке Германа сидела на подоконнике с чашкой кофе, а Герман листал в телефоне новости и зачитывал мне вслух самые животрепещущие заголовки.

Теперь же сидеть с ним за одним столом почти физически больно.

Отпиваю сок, ставлю стакан на место и первой нарушаю тишину:

— Герман, я должна... поблагодарить тебя.

— Должна? — Поднимает взгляд к моему лицу.

— Я... спасибо. Правда, спасибо за то, что не оставил меня там.

Он коротко кивает, будто не считает это чем-то, за что стоит благодарить.

— Почему ты не отвёз меня домой?

— Потому что адрес ты мне так и не сообщила.

— М-м. Да. Верно... — снова хватаюсь за стакан. От неловкости не знаю, куда ещё деть руки. — Прости за незапланированное вторжение. Надеюсь, Алиса не возражала? Кстати... где она?

— Дома.

Напрягаюсь и невольно вытягиваюсь в струну.

Чёрт, Алиса дома, а я сижу тут и распиваю кофе с её женихом!

И только сейчас до меня доходит весь ужас этой ситуации, ведь в глазах Алисы я свадебный организатор, не больше. И очень странно, что Герман решил притащить меня домой, а не сбегать в больницу.

— Так она... Эм... — Подрываюсь из-за стола. — Мне действительно пора. Пожалуйста, извинись перед ней за...

— Сядь. Алиса *у себя* дома, — кивает в сторону окна. — Видишь вон тот дом напротив?

Поворачиваю голову, проследив за направлением взгляда Германа.

— Вот там её квартира.

— Вы не живёте вместе?

— Нет.

— И при этом хотите пожениться?

— А как одно мешает другому? — Чуть раздражённо вскидывает бровь.

— Ну не знаю. А если человек вообще не подходит тебе в быту? Если он неряха, разбрасывает по дому носки, вытирает козявки об изголовье кровати или не смывает за собой?

Уголок его рта дёргается в подобии улыбки, которая гаснет в зародыше.

— Алиса очень чистоплотна.

— М-м... Ладно. Не моё дело.

Рокси с тяжёлым вздохом поднимается, но лишь для того, чтобы устроить голову на моих коленях. На автомате наглаживаю её между ушей.

— А если Алиса вдруг решит тебя навестить и увидит меня? Не думаю, что она останется в восторге.

— Она здесь не частый гость.

— Правда?

— Да. Заглядывает, только если потеряла ключи и ей нужно где-то пересидеть до прихода слесаря.

— И часто она теряет ключи?

— Водится за ней такой грешок. — Герман откусывает хрустящий тост. — Ключи, карты, телефоны. Иногда она бывает рассеянной. Может, в силу возраста.

Я поднимаю на него взгляд. Он произносит это почти равнодушно, но в голосе проскальзывает что-то, похожее на усталость.

— Ясно...

— Не переживай, Алиса не придёт.

Молча киваю и делаю ещё глоток сока.

Рокси переминается с лапы на лапу и настойчивей тычется мордой в мои ладони, настаивая на продолжении ласки.

— Ты забрал Рокси от родителей?

— Да. Они взяли нового пса, молодого и энергичного. Он хоть и совершенно беззлобный, но изрядно доводил старушку. Я решил, что у меня ей будет спокойней.

— И правильно, она уже дама серьёзная, ей не до всяких там игр. Правда ведь, моя девочка? — Натираю пальцами бархатный нос. Рокси преданно смотрит мне в самую душу.

Герман тихо усмехается.

Снова повисает тишина, которая действует мне на нервы. Почему-то нестерпимо хочется её нарушить, потому что этот вакуум создаёт благодатную почву для непрошенных мыслей.

— Герман, а можно вопрос?

— Валяй.

— Что ты делал там вчера?

— Где? — Незамутнённо моргает.

— Ты понял. Как ты оказался там в тот самый момент, когда мне стало плохо? Просто невероятное везение встретить тебя, а не психопата, который решил бы воспользоваться моим невменяемым состоянием.

Герман крутит чашку с кофе между ладоней. Медленно отпивает и смотрит куда-то сквозь меня.

— А может, я тот самый психопат и есть?

— Герман...

— Просто проезжал мимо, — беззаботно жмёт плечами.

— Да? Странно. А мне показалось, что я видела тебя раньше. Там, на улице. Ты следил за мной?

— Что за бред? — Фыркает. — Не всё в это мире вращается вокруг твоего высочайшего величества.

Взглядом как рентгеном сканирую Германа насквозь.

Лжёт, я вижу это по его нарочито равнодушному виду.

Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы не распознать в реакциях тела желание скрыть правду.

Под моим тяжёлым взглядом он выдерживает секунд пять, но всё же сдаётся. Закатывает глаза.

— Ладно, просто хотелось взглянуть на этого твоего баяниста.

— Что, прости? — Вздёргиваю с вызовом бровь.

— Ты слышала.

— Какое тебе вообще дело до того, с кем я встречаюсь?

Он резко отставляет чашку на стол. Коричневая капля кофе убегает через край и растекается по столешнице.

— Мне показалось это справедливым, — Герман машинально смахивает каплю ладонью.

— С чего бы?

— С того, что ты буквально имеешь официальное право знать всё о нас с Алисой, а вот я о тебе ничего не знаю.

— Это не даёт тебе права шпионить.

— Скажи спасибо, что я это сделал. Иначе ты отключилась бы прямо на улице.

— О, спасибо тебе большое за то, что устроил за мной слежку.

— Ты ходила к врачу?

Резкий поворот темы заставляет меня напрячься.

— При чём тут это?

— При том, что это уже не первый раз, когда тебя так накрывает. Твоим проблемам с мигренями сколько лет? Это не нормально, что ты падаешь в обмороки.

— Мигрени — часто встречающаяся проблема у людей, не нужно делать из мухи слона.

— Не нужно игнорировать проблемы, которые отражаются на качестве жизни.

— Я не хочу обсуждать с тобой своё здоровье.

— Я знаю хорошего специалиста. Запишу тебя к нему на ближайшую свободную дату.

— Не нуждаюсь в твоей помощи больше.

— Лида.

— Герман, нет!

Он смотрит на меня несколько долгих секунд, потом откидывается на спинку стула и скидывает руки в примирительном жесте.

— Ладно. Как скажешь.

Шумно выдыхаю, выталкивая вместо с воздухом скопившееся раздражение. Провожу пальцами по волосам, откидывая с лица спутанные пряди.

— Можно я быстро схожу у тебя в душ? До дома добираться буду долго, а планы на день никто не отменял.

— Ванная вон там, — кивком головы указывает в сторону коридора.

Сбегаю в душ.

Закрыв за собой дверь, прислоняюсь к ней спиной и долго стою неподвижно, пытаюсь собрать себя обратно в одну цельную Лиду.

Вода мало помогает. Она смывает липкость сна, остатки вчерашнего ужаса, и вымывает с кожи запах Германа. Мне кажется, я успела пропитаться им с головы до ног.

Бред.

Какой-то сюрреалистический, изощённый бред, который почему-то причиняет мне боль.

Выключаю воду, вытираюсь полотенцем и, завернувшись в него, подхожу к зеркалу. Провожу ладонью по запотевшей поверхности.

Выгляжу на удивление лучше, чем заслуживаю. Бледная, слегка осунувшаяся, но вполне себе.

Надо просто одеться и уехать. Сейчас же. Немедленно. Пока мы Германом, словно два паука, запертых в тесной банке, не сожрали друг друга в очередной стычке.

Из прихожей доносится трель дверного звонка, и всё моё тело вмиг парализует. Раздаётся залихватистый лай Рокси и звук её когтей по паркету. Потом тяжёлые шаги Германа.

Несколько секунд тишины сменяются звонким и уже знакомым мне голосом.

— Привет. Как же хорошо, что ты дома!

— Алиса? А ты...

— Представляешь, я возвращалась с утренней йоги и, похоже, снова потеряла ключи.

Так я войду?

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.